

Капризы и странности судьбы

ОЛЕГ РОЙ

Мужчина в окне напротив

Олег Рой

Мужчина в окне напротив

«ЭКСМО»

2009

Рой О. Ю.

Мужчина в окне напротив / О. Ю. Рой — «Эксмо», 2009

ISBN 978-5-699-37920-0

Превосходная, тонкая, романтическая и в то же время невероятно смешная рождественская лирическая комедия, которая поможет поверить в чудо даже самым закоренелым скептикам. Ирина Боброва ведёт по радио цикл передач о самых ярких love-story в истории человечества. Её рассказы собирают у приёмников тысячную аудиторию, заставляя слушателей забывать обо всём на свете, смеяться и плакать, сопереживая героям. Однако при этом личная жизнь самой Иры никак не складывается — до тех пор, пока неожиданно для себя самой она не влюбляется в совершенно незнакомого мужчину, которого видит в окне соседнего дома... «Мужчина в окне напротив» — это одна из тех самых книг, которые так хочется читать длинными зимними или унылыми осенними вечерами, когда особенно не хватает света, тепла, хорошего настроения и уверенности, что всё обязательно будет хорошо.

ISBN 978-5-699-37920-0

© Рой О. Ю., 2009

© Эксмо, 2009

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

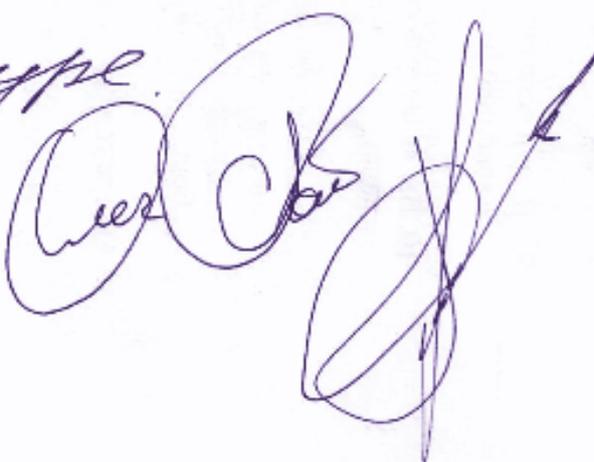
34

Олег Рой Мужчина в окне напротив

Дорогой читатель „ЛитРес“!

Я очень рад, что имеет
возможность обратиться
к каждому из вас с
пожеланиями удачи,
счастья, любви... Ведь
именно эти слова
вы так часто будете
встречать в хорошей
литературе.

Ваш

Моему сыну Женечке посвящается

Рождественская история, похожая на сказку

Посвящается всем, кто еще верит в любовь!

«Я увидела голубоглазого золотоволосого бога – и все было кончено...»

Здесь она взяла небольшую, но эффектную паузу. Изменила позу, слегка облокотилась на спинку стула, поправила кокетливым жестом волосы и улыбнулась. Улыбнулась очаровательно и торжествующе, как могла улыбаться только одна из самых знаменитых, самых успешных, и уж бесспорно, самых красивых женщин страны.

«Когда они встретились, ему было тридцать, ей – на год больше. Оба зрелые, сложившиеся личности с яркой и непростой судьбой. Он недавно развелся и тяжело переживал разлуку с восьмилетним сыном Дугласом, названным так в честь голливудской звезды Дугласа Фербенкса. А у нее шел к закату бурный роман с некой загадочной личностью, австрийским бизнесменом. Каждый вечер после спектакля к служебному входу музыкального театра подкатывал черный «Мерседес» последней модели, и она уезжала, чтобы вновь и вновь окунуться в вихрь ночной светской жизни...»

Небольшая пауза. Перед глазами яркой чередой пронеслись, точно фрагменты клипа, шикарные автомобили, туалеты от лучших кутюрье мира, меха на обнаженных плечах дам, блеск бриллиантов, ослепительные улыбки знаменитостей, вспышки фотокамер... Она сглотнула, перевела дыхание и вновь заговорила:

«Но в тот весенний вечер, когда они впервые увиделись, прошлое было забыто раз и навсегда. С этого мига у каждого из них началась новая жизнь, которую они уже не представляли друг без друга. На следующий день они вместе отправились в Большой театр на торжества, посвященные юбилею невероятно популярного в те годы тенора Леонида Собинова. После концерта и банкета они до рассвета бродили по Москве, говорили, говорили и никак не могли наговориться... Была теплая майская ночь, они шли рядом по пустынной набережной Москвы-реки, изредка встречаясь с такими же парочками... Вам ничего не напоминает эта сцена? Ну, конечно же! Через много лет она повторится на экране, в столь любимом россиянами фильме «Весна». Правда, режиссер там будет другой, его роль исполнил блистательный Николай Черкасов. Зато актриса – та же самая...»

Она улыбнулась, вновь перевела дыхание и бросила взгляд на часы. Отлично, все идет по плану, она не выбилась из графика. Значит, можно не торопиться.

«Григорий Васильевич очень боялся, что Любовь Петровна не примет предложения сыграть главную героиню в его новом фильме, сочтет роль, да и саму картину слишком легкомысленной. Он долго не осмеливался заговорить об этом, рассказывал о своих планах отстраненно, словно они не имели никакого отношения к ней. А когда все-таки решился, она действительно взглянула на него не только с изумлением, но и с сомнением...»

На лице говорившей тоже появилось скептическое выражение. Впрочем, не только скептическое. В нем были и удивление, и радость, и тень сомнения, и надежда на будущий успех – все то, что переживает актриса, когда ей предлагают новую роль.

«Но она согласилась! Правда, не сразу и подчеркнув: «Я чувствую, что мы часто будем спорить. Это не мешает работе?» – «Конечно нет! – поспешил заверить ее режиссер. – Ведь, как гласит старинная мудрость, только в спорах рождается истина».

Так возник самый знаменитый творческий дуэт советского кино: Григорий Александров и Любовь Орлова. А дальше начались съемки, их первая, но далеко не последняя картина. Тогда же началась и семья, потому что, приехав в Гагры, влюбленные почти сразу поселились вместе – чтобы больше не расставаться никогда. В следующем году, сразу после выхода на экраны «Веселых ребят», Орлова и Александров поженились...»

Рассказ лился плавно, молодая женщина у микрофона говорила легко, не сбиваясь, и почти не заглядывая в лежащие перед ней распечатанные страницы. Ей это было ни к чему – она и душой, и телом, находилась там, в своей истории, почти полностью преображаясь

в свою героиню, играла Любовь Орлову голосом, интонациями, мимикой, жестами, позами, всей своей натурой. Даже в ее лице каким-то непостижимым образом появилось сходство с актрисой. И никакие досадные мелочи, вроде тихого шороха за стеклянной перегородкой, были не в силах помешать. Там, помимо операторов, сидело еще двое посторонних слушателей, но сейчас ее это совершенно не интересовало. Она продолжала свою историю.

«За всю долгую, более чем сорокалетнюю совместную жизнь супруги так и не перешли «на ты». Обращения «вы, Любочка» и «вы, Гриша» в их устах звучали как особое проявление любви, основанной не только на привязанности, но и на безграничном уважении друг к другу...»

Время в студии летело быстро, запись шла гладко, как по маслу. Сидевшая у микрофона молодая женщина улыбалась и грустила, радовалась успехам и преодолевала трудности вместе со своей героиней, старилась и отчаянно боролась за уходящую молодость и красоту... И сама не заметила, как история плавно приблизилась к завершению.

«...После смерти Григория Васильевича деятели культуры заговорили о том, что на той самой даче во Внукове, принадлежавшей знаменитым супругам, надо сделать музей Орловой и Александрова. Увы, этому замечательному плану не суждено было сбыться... Квартиру и дачу продали, а бесценный архив первой советской кинозвезды выбросили на помойку. Старожилы подмосковного поселка помнят, как приходили на эту свалку, пытались спасти альбомы, фотографии, книги и письма – но вскоре архив, который Любовь Петровна старательно собирала всю свою жизнь, сожгли во время, как это называлось, «санобработки». А дача теперь сдается в аренду. Первое время там еще сохранялся интерьер, так тщательно и с такой любовью продуманный хозяйкой. Но со временем мебель пришла в негодность, ее заменили, а в помещениях сделали евроремонт. И теперь единственное, что напоминает о бывших владельцах дома, их необыкновенной судьбе и необыкновенной любви, – это забытый в кладовке портрет Орловой, пробитый чьим-то каблуком...»

В голосе, произносящем последние слова, звучали слезы. Словно не ведущая заканчивала передачу, а великая актриса и великая женщина оплакивала в этот миг трагический финал своей звездной жизни.

Та, что сидела у микрофона, вздохнула, вытерла повлажневшие глаза бумажным платочком и бодро закончила:

«С вами была Ирина Боброва, ведущая передачи «Легенды любви». Встретимся на следующей неделе, двенадцатого ноября. Будьте счастливы, любите и будьте любимы!»

– Отлично! – крикнули из операторской за стеклянной перегородкой.

Свет, падавший на распечатку текста, потух. Молодая женщина в кресле перед микрофоном замолчала и как-то тоже погасла. Она вышла из образа и мгновенно превратилась из звезды русского кино, красавицы, мечты нескольких поколений советских мужчин в скромную сотрудницу популярной радиостанции. Теперь это была самая обычная женщина лет тридцати пяти, среднего роста, слегка склонная к полноте и внешне ничем не примечательная. Она сидела, опустив голову, уставившись невидящим взором в лежавшие перед ней листы, и чувствовала себя опустошенной.

– Умница, Иришка, просто умница! – прозвучал знакомый бас Федора Борисовича Ривкина, которого весь дружный коллектив радиостанции за глаза и в глаза называл не иначе как «наш ФБР». Это было ласковое прозвище. На «Маяке» зама главного любили и уважали. Да и не только здесь. Многие редактора и ведущие на престижных радиостанциях с гордостью называли себя учениками Ривкина.

– Молодчина, отличная передача получилась. – ФБР, тяжело опираясь на массивную трость с набалдашником, не без труда поднял свое грузное тело со стула за перегородкой и шагнул к Ире.

– Спасибо, Федор Борисыч, вы всегда так меня хвалите... – смутилась Ирина.

– Было бы за что... – вступил в разговор второй гость студии, сухощавый мужчина с длинными волосами и в ярко-розовом галстуке, зачем-то пришедший на ее запись вместе с Ривкиным.

Ира его лицо показалось знакомым. Она присмотрелась... Ну, конечно же, это Иннокентий Туманов! Исполнитель романсов и песен из кинофильмов, так полюбившийся слушателям, а особенно слушательницам, где-то в семидесятые годы. Тогда это был тоненький кудрявый мальчик с огромными лучистыми глазами. С тех пор много воды утекло, кудри заметно поредели, на тоненькой фигуре выросло брюшко, не скрываемое никакой утяжкой, лучистые глаза потухли и обрели циничный прищур, романсы и лирические песни в репертуаре не обновлялись. Однако сходить со сцены Иннокентий Туманов не спешил. С упорством муравья лез во все теле- и радиопередачи, давал направо и налево интервью, где повторял, что «всегда шагает в ногу со временем». Он жаждал омолодить свою аудиторию, ярко одевался, делал пластические операции, постоянно менял репертуар на более современный, даже рэп пытался читать. Но аудитория как-то не спешила омолаживаться. У поклонников рэпа были свои кумиры, а те, кто еще помнил Туманова, предпочитали слышать в его исполнении «Я вас любил», «Очарована, околдована» и «Снился мне сад в подвенечном уборе», а не какое-нибудь «Ну-ка, крошка, потрясемся немножко!».

– Вам, ребята, никогда не поднять рейтинг, – произнес Туманов, покачивая носком ботинка из имитации крокодиловой кожи. – Вечные сопли, сюси-пуси, охи-ахи... В наши дни это никому не интересно. Современной публике нужно совсем другое. Вы что, не знаете, что хавают пипл?

Лукаво подмигнув Ире, чтобы она молчала, ФБР обратил на него заинтересованный взгляд.

– Думаешь, нам надо что-то менять? – спросил Ривкин, придав голосу озабоченную интонацию.

– Давно пора! – усмехнулся певец. – Вот, взять хотя бы название передачи... Ладно бы еще было «Любовные истории» или «Женские истории», как по телевизору. А то – «Легенды любви»! Ну что это такое? И звучит странно.

– Почему странно? – Ира все-таки вступилась за свое детище. – Мы же говорим: «легенда спорта», «легенда музыки». Скажем, Элвис Пресли – легенда рок-н-ролла. А у нас рассказы о тех людях, чья история любви передается из уст в уста и стала легендой, понимаете?

– Да фигня это все! – поморщился Туманов. – Тебе, Ира, надо было бы рассказывать совершенно другое. Например, то, что Александров был геем и любовником Эйзенштейна. Но только до тех пор, пока ходил у него в помощниках. Как только он снял собственный фильм, Эйзенштейн приревновал к его успеху, рассорился с ним в пух и прах и на просьбу помочь вывезти «Веселых ребят» на международный фестиваль ответил: «Ассенизатором не работаю, говно не вывожу...» Однако Александров скоро утешился с молодым артистом, забыл его фамилию... И оставался верен себе до конца дней. Его браки – и с Орловой, и, позже, с вдовой собственного сына, служили лишь прикрытием его истинных наклонностей.

Ира открыла было рот, но Туманов не дал ей и слова вставить.

– А Орлова! – продолжал он вдохновенно. – Ты из нее тут только что не святую сделала... Меж тем эта дамочка была любовницей Сталина, алкоголичкой и жуткой стервой, она пришла к своему успеху по трупам. Сколько людей предала, скольких погубила! Собственный внук называл ее «великой гадиной». Помешалась на проблеме вечной молодости, тратила уйму денег на косметику и пластические операции, даже документы подделала, чтобы ее считали моложе на пять лет. И к тому же – алчная, корыстная, на все готовая ради выгоды. А как она бравировала своим богатством! Кто ж не знает ее знаменитой жалобы, мол, бедная я, несчастная, так хочется поехать на дачу во Внуково, а приходится лететь в Париж, потому что

нужны новые перчатки! Неудивительно, что все вокруг ее ненавидели. Раневская, например, говорила, что у Орловой голос такой противный, точно кто-то сыт в пустое ведро...

Вот что нужно рассказывать! Вот что делает рейтинг, собирает аудиторию. А пока ты будешь щебетать обо всех этих своих «златовласых богах», «Кошечках и Щениках» и «сфинксах на перстнях», тебя так и будут слушать только полторы домохозяйки...

От этого монолога ведущая Ирина Боброва покраснела до слез. Она даже не знала, за что ей было обидно больше – за свои передачи или за Орлову с Александровым.

– Это неправда, неправда! – почти закричала она. – Все, что вы про них говорите, – выдумки желтой прессы и сплетни грязных завистников! Орлова и Александров были идеальной парой и всю жизнь любили друг друга, а вы... вы просто...

– погоди-ка, Ирочка, не волнуйся так. – Федор Борисович легко сжал ее локоть, заставив замолчать, и обратился к Туманову:

– Милейший, а можно полюбопытствовать, откуда ты так хорошо знаешь содержание Ириных передач? Ведь про перстень со сфинксом – это было, если мне склероз не изменяет, в прошлом месяце, в истории о Тургеневе и Полине Виардо. А «Кошечка» и «Щеник», домашние имена Лили Брик и Маяковского, вышли в эфир на прошлой неделе, так, Ирочка?

– Так. – Она не удержалась и шмыгнула носом.

Туманов замялся:

– Ну-у... Бывает, иногда – едешь в машине, слушаешь... Все равно, пока стоишь в пробках, делать нечего...

– Частенько, получается, бывает? Не попсу, не шансон, не новости, а Ирочку слушаешь? Да еще и запоминаешь то, что было месяц назад? А говоришь – аудитория в полторы домохозяйки... – Ривкин уже не прятал ухмылку.

Когда-то модный певец нахмурился и прокашлялся. Затем, согнув локоть, сдвинул рукав пиджака, продемонстрировав часы, по виду слишком дорогие, чтобы быть настоящими.

– Ты это, ФБР, зубы мне не заговаривай... У нас когда запись-то начнется? А то мне сегодня в Останкино еще, потом на прием в итальянское посольство...

– Да готово все! – крикнули из аппаратной. – Игорю, ведущему, уже позвонили, говорит, к лифту подходит, будет с минуты на минуту.

– Ну, не буду вам мешать, – заторопилась Ира.

Собрала свои листочки, обменялась напоследок улыбками с ФБР (Туманов упорно не глядел в ее сторону) и вышла в коридор.

Шагая к лифту, она ссутулилась и зябко повела плечами. Как сегодня холодно! Радио «Маяк» размещалось на третьем этаже старинного семиэтажного здания по 5-ой улице Ямского Поля. Помещение неплохо сохранилось и было не так давно отремонтировано, только вот вентиляция... Летом – жара и духота, а зимой – холод, даже в легкие морозы ни отопление, ни обогреватели не спасают. Вроде до зимы еще далеко, только середина октября, а уже такой колотун!.. Надо будет теплее одеваться на работу...

– Ой, Ирка, вот здорово, а я как раз тебя ищу!

Навстречу Ирине спешила женщина примерно ее лет, с вьющимися волосами, выкрашенными в медно-рыжий цвет, в не по сезону короткой замшевой юбке и сапогах-ботфортах до середины бедра. Это была Алка Тетеркина, лучшая подруга Иры.

– Иренция, чего твой мобильный не отвечает, зарядить забыла, что ли? – поинтересовалась Алла, активно жестикулируя. Следуя собственным, самостоятельно разработанным критериям прекрасного, Алла носила на всех пальцах кольца с крупными поделочными камнями, и оттого ее движения всегда сопровождалась легким перестуком самоцветов и серебра.

– Я на записи была, отключила.

– Ну да, у тебя же сегодня запись!.. Отстрелялась уже?

– Только что.

– Счастливая, а мне еще с полчаса тут торчать как минимум... Еле покурить вырвалась. Слушай, дождись меня, хорошо? Важный разговор есть. – Алла многозначительно поглядела черными, густо подведенными глазами.

– Хорошо, я пока кофе с девчонками попою, – легко согласилась Ира. Спешить ей было некуда – дома все равно никто не ждал...

Небольшая комната для отдыха сотрудников оказалась забита под завязку. Диджей Машка, бухгалтер Катюша, менеджер по рекламе Леля и редактор Наталья Николаевна пили чай за столом и вели оживленную беседу, Танечка, секретарь главного, стояла в дверях, видно, забежала зачем-то, да так и осталась.

– И не говорите, девочки, прямо беда с этим кризисом... – Наталья Николаевна вздохнула и надкусила бутерброд с телячьей колбасой. – Вам-то хорошо, вы молоденькие... А я куда денусь, если меня уволят?

– Ну что вы такое говорите! – ахнула добрая толстушка Катя. – Кто ж вас уволит, куда же без вас?

– И правда – нельзя так говорить! – Машка решительно тряхнула короткими кудрями. – Не знаете разве, что вы себя этим программируете на плохое? Помните, как наш ФБР на этот счет выражается: и говорить, и мыслить надо только позитивно!

– Ой, Машка, до позитива ли тут... – Таня прислушалась – не у нее ли в кабинете звонит телефон? – Только вот сейчас, перед тем как уехать, шеф решил, что у нас водителей многовато. Говорит, надо одного уволить...

– Только бы не Рината! – ахнула Леля и отчего-то покраснела.

– Ну, не Васильева же? У него двое детей, старший в этом году в школу пошел. А Ринат по крайней мере холостой. – Наталья Николаевна потянулась к заварочному чайнику и только сейчас заметила Иру. – Ой, Ирочка! Ты к нам?

– Ирка, привет, заходи! – Машка подвинулась, пропуская Ирину. – А то мы тут все о грустном, да о грустном...

– Давай я тебе чаю налью, – захлопотала Катюша. – Или ты кофе хочешь? Вот, печенье бери, конфеты...

Ира не торопясь, с достоинством, уселась, взяла поданную ей чашку, подула на горячий кофе, пригубила. Она словно не замечала, что все присутствующие смотрят на нее и явно чего-то ждут.

– Ириш, ну расскажи, что у тебя новенького? – не выдержала наконец Таня.

Та подчеркнуто равнодушно пожала плечами:

– Да ничего особенного. Вчера была с Никитой в «Доме кино»...

– погоди, Иринка, я что-то забыла, – перебила Наталья Николаевна. – Никита – это какой олигарх? Или из «Газпрома»?

– Ну что ж вы вечно все путаете, Наталья Николаевна! – Леля даже возмутилась. – Пора бы уже и запомнить! Олигарха зовут Егор, а из «Газпрома» – тот вообще Руслан. А Никита – это каскадер знаменитый, Никита Давыдовский... Ну, Ир, а дальше что?

Ира не спешила с продолжением, глотнула еще кофе, отправила в рот крекер. На лице ее сохранялось все то же безразличное выражение.

– Ну так вот, посмотрели фильм...

– А какой? – снова встряла редакторша и тут же сникла под возмущенными взглядами, обратившимися на нее с разных сторон.

– Да не помню, бред какой-то психопатический, знаете, как сейчас модно – «кино не для всех»... Но не в фильме дело! Представляете – сидим мы после сеанса в баре, а справа, за соседним столиком – Александр Домогаров!

– Ух ты! – хором выдохнули слушательницы.

– Неужто ты с ним закрутила? – скептически подняла бровь Машка.

– Увы, нет, – покачала головой Ирина. – Мы даже не познакомилась. Так жаль! В жизни он еще интереснее, чем на экране... Ну так вот. Сидим мы, значит, с Никитой, болтаем, коктейли пьем, и тут вдруг входит... Кто бы вы думали?

– Руслан? Егор? Олег? – посыпались предположения.

– Если бы! А то Вахтанг!.. Как увидел меня с другим, глаза заблестели... Ну, думаю, сейчас зарежет или меня, или Никиту. Они, кавказцы, народ горячий...

Рассказывая, Ира снова преобразилась, как недавно в студии. Распрямила спину, расправила плечи, порозовела и похорошела.

– И что же ты? – поинтересовалась Танюшка, переступив в дверях с ноги на ногу. Ей давно пора было вернуться на рабочее место, но разве ж можно уйти, когда тут такие интересные вещи рассказывают?

– Да ничего... – продолжала Ирина. – Поговорила с ним, кое-как успокоила. Объяснила, что женатые мужчины, да еще с детьми, для меня не существуют, и не надо мне больше звонить и подарки присылать, я все равно ничего не приму...

– Вот это ты молодец! – одобрила Леля.

А Катя спросила с придыханием:

– А Никита?

– А что – Никита? Взял меня под руку и увел. Отвез на своем джипе домой, конечно, напрашивался в гости, но я ни в какую...

– Что ж так? – в голосе Машки слышалось легкое ехидство.

Ира посмотрела на нее, как смотрят на человека, не понимающего самых элементарных вещей:

– Так у меня ж запись сегодня! Я себе за правило взяла – накануне ни-ни, никаких амуров, а то на другой день голова будет совсем не тем занята...

– Это правильно, – одобрила Наталья Николаевна. И подумав, добавила мечтательно: – Хотя я бы на твоём месте, наверное... Если бы вдруг... А тут еще Домогаров...

– Но это еще не все! – увлеченно продолжала сияющая, как рождественская елка, Ира. – Расстались мы с Никитой у подъезда, я поднимаюсь к себе, а на лестничной площадке стоит Егор! Представляете себе картину?! Вокруг охрана, он же шагу без секьюрити не ступит, вот с такущей охапкой роз! У меня первая мысль: «Как хорошо, что я Никиту не позвала в гости...»

– Ну и ну! – заахали слушательницы. – И что же?

– Да ничего... – Ира выразительно пожала плечами. – Цветы, так уж и быть, взяла, а самого отправила. Вы ж знаете, с Егором у меня никаких отношений быть не может.

– Ирка, ну почему, почему? – недоумевала Леля. – Олигарх, да еще разведенный – что тебе еще надо?

– Ну, допустим, развод-то еще не оформили, – покачала головой рассказчица. – Да и разводится он с таким скандалом, вся желтая пресса об этом пишет... И к тому же, девочки, он страстный собачник, а вы знаете, я собак терпеть не могу. Фу! Никакая, даже самая великая любовь не заставит меня с ними примириться!

– Ириш, я готова! – в дверях показалась Алла в кожаной куртке. – Поехали?

– Да-да! – Ира поднялась. – Спасибо за кофе, девочки.

– А сегодня куда? – не сдержала любопытства Наталья Николаевна.

– Еще не решила... Олег звал в театр, во МХАТ, на Табакова, а Руслан – на какую-то светскую тусовку. Подумаю... Пока, целую всех!

– Пока! – Алла тоже помахала рукой, унизанной кольцами.

Подруги ушли и уже не слышали разговора, продолжавшегося в комнате отдыха.

– Господи, сколько приключений... – вздыхала Катя, разворачивая шоколадную конфету. – Вот это жизнь!.. Какая же Иришка счастливая... А у меня каждые сутки – День сурка. Ребенка из сада забрать, накормить, белье постирать, мужу рубашку на завтра погладить, ужин

приготовить, подать, посуду помыть... А утром все сначала – ребенка в детский сад, сама на работу... И так каждый день одно и то же, одно и то же! А у Иришки что ни день, то праздник...

– Катюх, не будь дурочкой, – наморщила аккуратный носик Машка. – Разве ты не видишь, что она все врет? Нет у нее никого...

– Перестань, ты просто ей завидуешь! – возмутилась Леля.

– Вот именно! Тебя муж бросил – вот тебе и завидно, что у Ирки столько поклонников! – поддакнула Таня.

– Ой, девочки, не ссорьтесь, – примирительно сказала Наталья Николаевна. – Правду Ира говорит, нет ли – а послушать-то все равно интересно. Хотя какое-то разнообразие в нашей серой жизни... Танюш, это не у тебя там телефон разрывается?

Тем временем Ира и Алла уже покинули здание проектного института и садились в автомобиль Ирины, синюю «ДЕУ», которую хозяйка любовно называла «моя дэушка».

– Значит, вот что, – решительно заявила Алла, как только машина тронула с места. – Я тут подумала и поняла, что дальше так жить нельзя!

– «Так» – это как? – поинтересовалась Ира, вырuling в переулок.

– Так, как мы с тобой, – одинокими и никому не нужными. Необходимо срочно устроить свою судьбу. Я не я буду, если до Нового года не выйду замуж!

– Замуж? – от удивления Ира чуть не выпустила из рук руль. – За кого же?

– Да, это проблема, – нехотя согласилась Алла. – Кандидатуры на должность жениха пока нет. Но это вопрос решаемый.

– До Нового года? – Ирина скептически покачала головой. – Сомнительно... Одно только заявление надо за два месяца подавать...

– Не за два, а за месяц.

– Все равно не успеешь. Сейчас уже октябрь.

– Ничего, успею! Главное – действовать, не затягивать. И знаешь что, Ир? Давай вместе!

– Что – вместе? – удивленно покосилась на подругу Ирина. – Замуж выходить? Как ты себе это представляешь? Ой, ну что ж ты делаешь-то? – Последние слова относились к неожиданно выскочившему из-за поворота разбитому «жигулёнку-шестерке».

– Да не выходить, дурища, а женихов искать! – отвечала подруга, привычно не обращая внимания на дорожные реплики. – Понимаешь, вместе оно всегда лучше... Помнишь, мы с тобой весной вместе на диете сидели, как здорово похудели?

– Здорово, только я потом за месяц опять все набрала... – вздохнула Ира.

– А я тебе говорила! – Алла покачала медными локонами. – Не фиг было весь отпуск дома сидеть! Ты же, вместо того чтобы поехать куда-нибудь, с утра до ночи в компьютер играла, да свой любимый белый шоколад лопала. А он хоть и белый, а калорий в нем столько же, сколько в черном. Ладно, сейчас не об этом. Я уже все продумала. Знакомиться лучше вместе...

– Да чем же это лучше, Алл? – перебила недоумевавшая Ирина. – Допустим, познакомимся мы с кем-то – но он один, а нас двое. Чего ж тут хорошего?

– А почему это один? Мы будем знакомиться в таких места, где мужчин много, чтоб выбор был, – парировала Алла. – Вот завтра, например, мы с тобой идем на вечеринку...

– Вот как?! Спасибо, что предупредила. Я и не знала, что куда-то иду, у меня были совсем другие планы на выходные. – Ира затормозила у светофора. – Ой, какая там пробка впереди...

– Да не смей меня, какие у тебя могут быть планы? – Алла вынула из сумочки сигареты. – Знаю я твои планы – в Интернете сидеть, в телевизор пялиться да книжки читать. Нет уж, хватит! А то так и останешься до пенсии в девушках с буйной фантазией. Завтра приводи себя в порядок, оденься поприличнее и часов в пять заезжай за мной, поняла?

– Поняла... Куда мы хоть идем-то?

– На день рождения к моей бывшей однокласснице.

– Я ее знаю?

– Нет. Но это неважно. Важно, что там наверняка будут интересные персонажи мужского пола... Ну что ты задумалась? Давай, жми на газ, да перестраивайся в тот ряд, а то мы тут до утра простоим!

Ира послушно рванула с места. Мысль о предстоящем «выходе в свет» взволновала ее. Вообще-то, она не слишком любила компании, да еще незнакомые... Но с другой стороны, Алка, возможно, и права – сколько можно дома сидеть? Чем черт не шутит, пока Бог спит, вдруг и правда именно на этой завтрашней вечеринке она наконец-то встретит свою судьбу?

Высидев Аллу у метро «Тульская» и медленно продвигаясь в сплошном потоке машин, Ира думала о завтрашнем дне. Очень скоро в обычные для подобной ситуации мысли – как одеться, что подарить совершенно незнакомому человеку и как успеть сделать все запланированное на выходные – вмешалось ее богатое воображение и принялось в ярких красках рисовать грядущую встречу с избранником. Наверняка он будет красив, высок и импозантен, и все женщины от одного его вида сразу потеряют голову, а он будет смотреть только на нее, Иру... Или нет. Не надо ей красавцев, с ними одна ревность и хлопоты. Пусть будет обычный человек, симпатичный, не более того. Может быть, она даже не сразу обратит на него внимание, как вдруг, в разгар вечера, он подойдет к ней и скажет...

Домой, в один из кирпичных «сталинских», как их называют в народе, домов на Профсоюзной улице Ира добралась по пробкам только в восьмом часу. Включила свет в обеих комнатах, заглянула в холодильник, где одиноко грустили начатый пакет кефира да пара каких-то банок, вынула из морозилки последние полпачки пельменей, поставила на плиту кастрюлю с водой, щедро сыпанула туда приправ. Оно, конечно, нет ничего вреднее для фигуры, чем есть в такое время суток тесто с мясом, но очень уж хочется... Когда все было готово, Ира высыпала на тарелку ароматно пахнущие пельмени, полила их майонезом и соевым соусом, подцепила самый крупный на вилку... И тут зазвонил телефон.

– Доченька, что у тебя с мобильным? – зазвучал в трубке встревоженный голос мамы. – Весь вечер до тебя дозвониться не могу.

– Ой, я забыла его включить после записи... – Вилку с пельменем пришлось отложить.

– Ира, ну нельзя же быть такой рассеянной! Если ты в тридцать четыре года уже все забываешь, что ж с тобой к старости будет, а?

– Мам, ты извини, я только что пришла... – Ирина с тоской поглядела на остывающий ужин.

– Так поздно? Ты куда-то заезжала? – тотчас заинтересовалась мама.

– Сегодня нет, застряла в пробке на Вавилова... Но зато завтра, мама, мы с Аллой идем в одну компанию...

– Что за компания?

– Там будет один человек...

– Ну-ка, ну-ка... Рассказывай!

– Рассказывать пока нечего, я с ним еще даже не знакома. Но Алла говорит, что он видел мою фотографию и заочно влюбился.

– И кто же он такой?

– Фотограф, только я не знаю, профессионал или любитель, – увлеченно затараторила Ира, уже напрочь забыв про пельмени. – Представляешь, он загорелся сделать мои снимки, обязательно на фоне осеннего леса... Ой, нет, мама, я перепутала! Он не фотограф, он художник. И будет рисовать мой портрет маслом.

– Опять твои фантазии... – вздохнула в трубке Александра Петровна. – И когда ж ты у меня уже повзрослеешь? Ладно, детка, пока, до завтра...

* * *

Спорить с мамой не имело никакого смысла: Ира действительно была фантазеркой с самого детства, с первых слов!

С чего обычно начинают говорить дети? Со слов «мама», «папа», «баба», «дай». У Иринки все получилось иначе. Было солнечное лето, семья Бобровых, состоявшая из дедушки Пети, бабушки Вали, мамы Александры и годовалой дочки-внучки Иришки, обитала на своей даче, на станции «Заветы Ильича». В тот момент, когда Ира произнесла свои первые в жизни слова, дедушка чинил перила на крыльце, а мама и бабушка накрывали к обеду стол в саду под яблонями, да поглядывали за девочкой, которая, еще не слишком уверенно ступая, бегала за бабочками по дорожке, покрытой резными тенями от листвы. Вдруг малышка приблизилась к взрослым, расставила пухлые, с младенческими перетяжечками ручки и пролепетала что-то похожее на «Ия абака».

Бабушка с мамой так и ахнули – ребенок заговорил! Вот только смысла сказанного они не поняли и кинулись переспрашивать:

– Что, Ирочка? Что ты сказала, детка?

– Ия абака. Ия абака! – повторила девочка, уже готовая заплакать от досады, что ее не понимают. Но тут на выручку пришел дед.

– Экие вы недогадливые, женщины! – крикнул он от крыльца. – Иришка говорит, что она бабочка, что ж тут не понятно? Так ведь, внучка?

Внучка обрадованно кивнула, снова подняла ручки и повторила свое «Ия абака», что в переводе с детского означало: «Ира бабочка».

Это была самая первая фантазия. Впрочем – самая первая высказанная вслух фантазия, поскольку то, что творится в голове у ребенка, который еще не умеет говорить, для взрослых всегда останется загадкой. А сам человек, к сожалению, очень быстро забывает, что думал и как воспринимал в детстве окружающий мир и насколько интересным и удивительным был его личный мир, созданный собственным воображением.

Мир маленькой Иры Бобровой был неповторим и прекрасен. В нем каждый предмет, от домов и деревьев до чайных ложек и булавок, был одушевленным существом, имел свой характер, свои взгляды на разные вопросы и даже собственный голос, которым разговаривал с девочкой. У вещей шла очень яркая и насыщенная жизнь, они ссорились и мирились, заводили друзей и врагов и, конечно, постоянно делились своими переживаниями с Ирой. Она рассказывала об этом взрослым, а те только диву давались: до чего ж у ребенка богатая фантазия!

В детский сад Ира не ходила. Зачем, когда дедушка и бабушка на пенсии? Бабушка Валя носила очки, зачесывала седые волосы в тугий пучок, ходила по магазинам с сетчатой сумкой – «авоськой», пекла пирожки, рассказывала внучке сказки на ночь и вязала всей семье носки и варежки, то есть была самой что ни на есть обычной бабушкой. Зато дедушка! Дедушка Ире достался особенный. Настоящий герой, летчик-истребитель, в войну командовавший сначала эскадрилей, а к сорок пятому году целым полком. Высокий, статный, плечистый, с не по возрасту ясными синими глазами, дед Петя и в старости был очень красив, и женщины на улице часто оборачивались ему вслед. Маленькая Ира шла рядом и чуть не лопалась от гордости – даже в обычные дни. А особенно, конечно, на 9 мая, когда дедушка надевал выглаженную форму, весь год терпеливо ожидавшую этого счастливого дня в дальнем углу гардероба, и начищенные ордена. Бабушку Ира тоже любила, но как-то спокойно, а деда – деда просто обожала. И Петр Васильевич также души не чаял во внучке и проводил с ней целые дни, укладывая ее спать, водил гулять, мастерил мебель и домики для кукол, играл в ее любимую игру «фигуры высшего пилотажа», подбрасывая и крутя над головой визжавшую от восторга девочку, изоб-

ражавшую самолет на крутых виражах, в «бочке», пике или «штопоре». Бабушка на такой ужас даже смотреть не могла, всегда выходила из комнаты.

Родители Иры развелись, когда ей было несколько месяцев. Отец быстро обзавелся новой семьей и видеться с дочерью от первого брака не стремился, ограничивался алиментами. Мама торопилась как можно скорее снова устроить судьбу. Знакомилась, бегала на свидания, ходила с кавалерами в кино, театры и на выставки, ездила в санатории и дома отдыха – одна, без дочки, поскольку было с кем ребенка и на выходные оставить, и летом на даче поселить. Но личная жизнь как-то все не устраивалась и не устраивалась. Одной из главных причин, конечно, была Иришка. Не всякий мужчина готов жениться на женщине с маленьким ребенком – но и еще более не всякого сама Саша была готова признать вторым отцом для своей дочурки. Несмотря на относительную свободу, она вовсе не была «кукушкой», сбросившей ребенка на родителей – и хоть трава не расти. Напротив, Александра очень любила дочь, и, когда возникала дилемма «мужчина или Иришка», всегда однозначно выбирала ребенка.

Словом, у маленькой Иры Бобровой была не просто хорошая, а даже очень хорошая семья. Но это не помогло ей избежать сложностей.

Большинство своих личных особенностей и проблем люди прихватывают из детства. Практически все ошибки в воспитании ребенка обязательно дадут о себе знать во взрослой жизни. Если мать была холодна и сурова, то у ребенка есть все шансы вырасти человеком жестким или даже жестоким. Чем хуже семья – тем труднее стать в ней благополучной личностью, это общеизвестный факт. Но часто бывает, что и самые лучшие семьи, с воспитанием, чуть ли не близким к идеальному, все равно, сами того не желая, создают детям жизненные трудности, и не меньшие, чем семьи проблемные. Привыкнув к доброте и постоянно окружающей его заботе, любимый ребенок тяжелее приспосабливается к жизни, которая за пределами дома оказывается совсем не такой простой и приятной, как в семье. Такой ребенок гораздо острее переживает зло и несправедливость, с которыми ему обязательно придется столкнуться, он куда более впечатлителен и раним, потому что не подготовлен, не защищен от жестокости реальной действительности. Или другой пример: казалось бы, разве плохо, что родители очень сильно любят свое чадо? Это ведь не только не плохо, это здорово, так, и только так и должно быть! Но если взрослый человек в дальнейшей жизни не встретит столь же сильной любви у своего партнера, он, весьма вероятно, будет от этого страдать. Та порция любви, которую он сможет получить от мужа или жены, всегда будет ему мала... Или – девочке повезло с отцом, ее воспитывает настоящий мужчина, мудрый, сильный и добрый. Хорошо? Конечно! Но при этом девочка вырастает – и нередко остается одна, так и не сумев выйти замуж, создать собственную семью. Потому что ни один из имеющихся на примете женихов не может конкурировать с папой, чей образ она довела в своем сознании до идеала. Так что, получается, любое воспитание в семье, хорошее ли, плохое ли, так или иначе обязательно приводит к жизненным сложностям. Просто у разных людей эти сложности разного характера.

Не избежала этого и Иришка Боброва. Сильно любя свою семью и чувствуя от взрослых не меньшую любовь и желание гордиться ею, она очень старалась быть хорошей и послушной девочкой. Но Ира была еще слишком мала, чтобы понимать: постоянно быть ангелом невозможно. И оттого отчаянно корила себя и чувствовала виноватой за любой проступок. Взрослые могли и не узнать, что она тайком гладила дворовую кошку или стащила из вазочки конфету прямо перед обедом, а малышка потом несколько дней мучилась от жгучих, как старая крапива за сараем, угрызений совести. Спасением для Иришки были только ее фантазии. Уж в них-то все складывалось именно так, как и должно было быть. В придуманном мире Ира всегда была *хорошей*.

Время шло, Иринка росла и вскоре стала первоклассницей. В школе ее буйное воображение разыгралось еще больше, что уже начало беспокоить маму и бабушку. Даже самые обычные вещи, вроде того, как прошел урок физкультуры или что давали в буфете на завтрак, Иришка

не могла рассказать без преувеличения. А когда ее ловили на несоответствии, только пожимала плечами: «Но так же интереснее!»

Одноклассники посмеивались над фантазеркой, но, как ни странно, не дразнили ее, им даже нравилось слушать чудесные рассказы. С учителями было сложнее. В самом начале второго класса вышло недоразумение, после которого учительница вызвала Александру Петровну в школу. На уроке родной речи детей попросили рассказать, как они провели летние каникулы, и Ира Боброва ошеломила всех, выдав на полном серьезе историю путешествия на золотой карете в волшебную страну, где обитают добрые феи, злые волшебники, заколдованные принцессы, говорящие животные и прочие сказочные персонажи. Молоденькая учительница еще ни разу за свой небогатый педагогический опыт не сталкивалась ни с чем подобным и потому растерялась. «Может, вам показать вашу дочку психоневрологу? – осторожно посоветовала она. – Вообще-то, никаких других претензий у меня к Ире нет, она способная девочка, старательная, дисциплинированная. Но эти ее вечные фантазии... Знаете, мало ли что...»

К счастью, психоневролог оказался, точнее, оказалась, куда более опытной и знающей. Побеседовав с девочкой около получаса, во время которых Ира рисовала, рассматривала картинки, отвечала на вопросы и решала задачи, врач заверила взволнованную Александру, что с ее дочерью все в порядке.

– Никаких отклонений от нормы я не вижу. У вас чудесный, умный и развитый ребенок. А ее фантазия – это не повод для беспокойства, а дар Божий. Вырастет – будет вторая Астрид Линдгрэн. Или какая-нибудь Агата Кристи.

Дома Саше крепко попало от отца.

– Ты, Шурка, совсем сдурела! – кипятился он. – Это ж надо, что удумала – ребенка в психушку таскать! Да после этого ты сама сумасшедшая, а не Иришка!

Смутившаяся Саша робко возражала, что водила дочь не в психиатрическую больницу, а всего лишь в районную детскую поликлинику, что это ей посоветовала учительница, которая жаловалась на Иру, и вообще, то, что девочка слишком много выдумает – это нехорошо...

– Да ладно тебе! – махнул наконец рукой дед Петя. – Делаешь из мухи слона... Тоже мне трагедия – ребенок выдумывает. Поговорить надо с Иришкой, объяснить, как и что, когда уместно фантазировать, когда нет, – и всего делов.

И он действительно поговорил с внучкой, с глазу на глаз, так, что ни мама, ни бабушка не слышали, поговорил спокойно, без повышения голоса и нотаций, как со взрослой. Неизвестно, что именно он сказал девочке, но после этой беседы в сознании маленькой Иринки и впрямь все стало на свои места. Не то чтобы она совсем перестала сочинять небылицы, нет, конечно. Но с тех пор Ира фантазировала только там, где это было допустимо, – дома, скажем, или болтая с подружками. А на уроках и в других официальных обстоятельствах она себе больше такого не позволяла.

Через три месяца после той истории в семье Бобровых случилось несчастье – дед Петя с гипертоническим кризом попал в больницу, и домой уже не вернулся. На маленькую Иру его смерть произвела очень сильное впечатление, ведь до этого в ее жизни еще не случилось никаких трагедий и потрясений, за исключением разве что столкновения со старой, выжившей из ума большой дворнягой, которая тяпнула пятилетнюю Иринку за голую ногу. Но одно дело укусы собаки и совсем другое – потеря близкого человека, к которому был так привязан...

Конечно, переживала в семье не одна Иришка. Мама тоже много плакала и постоянно корила себя за то, что всю жизнь, как она теперь поняла, неправильно вела себя с отцом, вечно спорила с ним, пыталась что-то доказать... А бабушка Валя вроде и не плакала, и не жаловалась, держалась молодцом. Но меньше чем через год после смерти супруга с ней случился инфаркт. И третьеклассница Иришка с мамой остались вдвоем, что вскоре превратилось в серьезную проблему для Александры. Ей пришлось учиться одной вести хозяйство, пришлось забыть о личной и общественной жизни, которыми она раньше так активно зани-

малась, и каждый вечер спешить домой. Да еще договариваться с начальством, потому что библиотека научно-исследовательского института, где она работала, была открыта до шести, а «продленка», куда неохотно, но покорно ходила Ира, – до пяти. Вот и крутись, как хочешь. А нужно ведь еще и в магазинах очереди отстоять, и постирать, и погладить, и убрать, и приготовить, и за квартиру в сберкассе заплатить, и в химчистку сбегать...

Не успела Саша хоть как-то привыкнуть к новой обстановке, как грянули зимние каникулы, ставшие для нее просто катастрофой. Куда девать ребенка на целых десять дней? Оставить дочь одну дома она не решалась – привыкшая к заботам бабушки и дедушки Ира была еще слишком несамостоятельна, даже справиться с замком на входной двери не могла, не говоря уже о том, чтобы включить газовую плиту и разогреть себе обед. Александре не оставалось ничего другого, как в первый же рабочий день взять дочку с собой в библиотеку.

С той поры походы «к маме на работу» стали для Иришки настоящим праздником. Там к ней постоянно приходили добрые дяди и тети, угощали мандаринами, конфетами и пирожками, водили по зданию института, показывая всякие интересные вещи, вроде удивительной машины, называвшейся ЭВМ, которая умела мигать лампочками, считать и играть в крестики-нолики. Но больше всего девочке нравилось в самой библиотеке, где ей разрешали помогать сотрудницам. Высунув от усердия кончик языка, Ира ремонтировала поизносившиеся книги, аккуратно подклеивала оторванные корешки, реставрировала с помощью полупрозрачной желтоватой кальки поврежденные страницы, лепила на внутреннюю сторону обложки специальные конвертики-«кармашки» и ставила на титул, пачкая пальцы в фиолетовой краске, штамп библиотеки, предварительно как следует вымакав его в туши, которой щедро была залита плоская губка в специальной жестяной коробке. Именно здесь, у мамы на работе, Ира не просто научилась любить Книгу, но стала относиться к ней с уважением и даже благоговением, точно к чему-то сверхъестественному, почти божественному.

Дома у них тоже были книги, несколько полок, две из которых принадлежали Ире. Книги на них были выучены чуть не наизусть – но разве это могло сравниться с целым библиотечным фондом? Девочка приходила в неопишуемый восторг от одного вида огромного, с ее точки зрения, двухэтажного помещения, которое почему-то называли не хранилищем, а «хранением». Вдоль всего этого «хранения» тянулись длинные ряды металлических стеллажей, разделенных узкими проходами, в каждом из которых отдельно зажигался свет и стояла табуретка-лесенка с тремя ступеньками или специальная стремянка, чтобы забираться на самый верх.

Фонд библиотеки действительно был значительным и, с чем Ире особенно повезло, кроме специальных технических изданий, в нем имелось немало художественных книг, включая и детскую литературу. В те времена книги были огромным дефицитом, просто так прийти в магазин и купить что-то хорошее было невозможно. А тут тебе как на подбор – и Буратино, и Чиполлино, и Карлсон, и Мэри Поппинс, и Алиса в стране чудес, и Магистр рассеянных наук... Все, что душа пожелает. И не было для девочки большего счастья, чем, устроившись прямо здесь же, у полка, на деревянной лесенке, взять тот или иной приглянувшийся том и углубиться в чтение.

Читала она быстро, запоем, и за первые же каникулы ухитрилась проглотить добрых полтора десятка книг. Но этого Ире показалось мало, хотелось читать еще и еще. Однако дома это как-то не получалось, школа с ее ненавистой продленкой отнимала слишком много времени. Иришка еле дождалась следующих каникул, чтобы вновь окунуться в долгожданный волшебный мир. К четвертому классу она уже перечитала все детские книги в фонде и потихоньку принялась за взрослую литературу. Сначала выбирала интуитивно, по яркой обложке, по понравившемуся названию или по рекомендациям взрослых. Самыми любимыми ее произведениями были и оставались сказки, но с течением времени не меньший интерес стали вызывать романы о любви. Годом к четырнадцати Ира после Грина, Фраермана, Гайдара с упоением

прочитала Дюма и Мопассана, Майна Рида, Эдгара По, открыв для себя новый источник мечтаний и фантазий.

Так продолжалось из года в год, все каникулы, кроме летних. Лето семья Бобровых, как и раньше, проводила на даче, в Заветах Ильича. После войны деду, как и многим другим героям-фронтовикам, выделили там большой участок, где он с помощью друзей собственноручно построил добротный бревенчатый дом с большими уютными комнатами, просторной кухней, двумя печками, верандой и «мезонином», как в шутку называли в семье холодную комнату наверху, под крышей. Места в доме было предостаточно, поэтому Александра каждое лето звала с собой на дачу подругу Ольгу, учительницу, у которой тоже не было мужа, но имелись дочки-близняшки, Настя и Даша на полтора года младше Иринки. Мамы брали отпуска по очереди, и это позволяло детям побыть на свежем воздухе почти целое лето.

Ира очень любила дачу. Еще бы, ведь с этим местом были связаны чуть ли не все самые лучшие ее воспоминания, яркие солнечные картинки безоблачного детства, проведенного в этом саду с дедушкой и бабушкой. После бабушкиной смерти участок сильно изменился, огород, которым некому было заниматься, зарос бурьяном, садовых цветов, когда-то радовавших взгляд с весны до поздней осени, не стало, на смену им пришли лишь дикорастущие, полевые. От былой садовой роскоши остались лишь кусты малины, смородины и крыжовника, растущие вдоль забора, да фруктовые деревья, из года в год покрывавшиеся в мае белой цветущей пеленой, которая напоминала Ире пенки на бабушкином варенье, а в августе склонявшие чуть не до земли ветки, отягощенные налитыми яблоками или крупными, с хорошее куриное яйцо, сливами. Но эти перемены не огорчали Иринку, даже наоборот – ведь теперь можно было бегать, где хочешь, не боясь наступить на грядку или сломать мячом цветок, а буйные заросли травы и кустов так хорошо подходили для разных интересных игр!.. Именно в саду, где-нибудь под старой березой или за сараем лучше всего сочинялись захватывающие таинственные истории. Приехав в Москву, Ира торопилась поделиться ими с одноклассниками и приятелями по двору, а те, буквально разинув рты от удивления, слушали, как при строительстве соседнего дома был найден клад – целый сундук старинных монет; как живет на окраине поселка, в ветхом домишке у самого леса настоящая колдунья, которая умеет оборачиваться черной кошкой и летать по воздуху, поднимаясь до самых верхушек деревьев; и как появляется в лунные ночи на берегу пруда бледный призрак белокурой красавицы, лет двадцать назад утопившейся здесь от несчастной любви к знаменитому актеру.

Неудивительно, что при такой фантазии и такой страсти к чтению Ира Боброва была лучшей ученицей по литературе в своем классе, а то и во всей школе. Постоянно пробегая глазами по строчкам, девочка невольно обучалась грамматике, запоминая правильность написания слов и расстановки запятых, поэтому по русскому языку у нее тоже всегда были пятерки. Знания, почерпнутые из книг, нередко помогали и в других предметах, например истории или географии. Когда Ира выходила к доске отвечать по «устным» предметам, ее с удовольствием слушали и одноклассники, и учителя. А вот с точными науками дело обстояло похуже. Круглой отличницей и любимицей всех учителей Ира была только в своих мечтах, которыми охотно делилась с дачными подружками. На самом же деле по математике, физике и химии в ее дневнике всегда стояло твердое «три». Впрочем, ни сама Ира, ни ее мама из-за этого не переживали. «Я сама всегда была стопроцентным гуманитарием, – отмахивалась Александра. – Ира пошла в меня, а не в отца, ничего удивительного».

Саша была права – у дочери действительно было много общего с ней, и чем старше становилась Иришка, тем это сходство делалось заметнее. Особенно сближала маму и дочку общая любовь к кино и театру. В юности Саша мечтала о карьере актрисы и потом всю жизнь жалела, что не пошла по этому пути. Ира с шестого класса начала посещать театральную студию Дворца пионеров на Ленинских горах и не расставалась с ней несколько лет.

Яркой внешностью, необходимой для главных героинь, Ира никогда не обладала, но это оказалось даже и к лучшему. Ей доставались пусть и второстепенные, но характерные роли, в которых особенно проявлялись способности юной исполнительницы. В этой студии не только ставили спектакли, как это бывает в обычных детских драмкружках, почему-то питающих склонность к постановке из года в год одних и тех же пьес вроде «Золушки» и «Снежной королевы» Шварца или «Кошкиного дома» Маршака. Студия Дворца пионеров действительно была настоящей учебной студией, там преподавали профессиональные педагоги, которые обучали ребят основам актерского мастерства, сценического движения, сценической речи и даже драматургии. Увлеченная Иринка с упоением постигала театральную науку, а Александра любовалась выступавшей на сцене дочкой и грезила о том, что пройдет еще каких-то лет десять – и та станет знаменитой актрисой, настоящей кинозвездой. Ира тоже всей душой верила в подобное развитие событий, а в ожидании врал подружкам, какой интересной жизнью живет их театральная студия. Якобы на прошлое занятие к ним приезжали «гардемарины» в полном составе, сегодня их репетицию снимало телевидение, а летом спектакль «Второе апреля» поедет на гастроли за границу, только пока еще не решено куда – во Францию или в Италию.

Как известно, подростковый возраст – это сезон буйного цветения комплексов. Немного найдется на свете юных существ, которые в эти годы не придумают себе какого-нибудь переживания и не *заморочатся*, как сейчас принято говорить, по этому поводу. Не стала исключением и Иринка. Вертясь перед большим зеркалом в прихожей, она с ног до головы детально изучала себя и весьма критически оценивала увиденное: «Я уродина. Глаза навывкате, нос картошкой, волосы тусклые и некрасивые. А сама толстая и неуклюжая, как бочка. Неудивительно, что мальчишки смеются надо мной...» Ей было и невдомек, что внимание мальчишек вызвано совсем не уродством, а прямо наоборот – у Иры Бобровой одной из первых в классе оформилась фигура, появилась грудь, а немного пышные бедра еще больше подчеркивали тонкость талии. Однако Иринка совсем не считала все это достоинством, постоянно сравнивала себя с моделями из журналов и вскоре действительно убедила себя, что очень некрасива. А поверив в это, сделалась стеснительной и неловкой. Только в собственных мечтах, да еще на сцене она забывала о своей застенчивости, мгновенно преображалась и расцветала. Но стоило закончиться спектаклю и отгреметь аплодисментам, она вновь становилась собой, не знала, куда деть глаза и руки, стыдилась своей мнимой полноты и слова не могла сказать, не покраснев.

И как большинство фантазерок, с ранних лет она была очень увлекающейся и влюбчивой, причем выбирала в качестве адресата своей нежной страсти объекты исключительно заоблачные и недостижимые: актеров, певцов, персонажей фильмов и книг... В крайнем случае, десятиклассника, первого красавца школы, чья великолепная игра на гитаре была гвоздем всех праздничных концертов. Сама Иринка на тот момент была всего лишь в пятом, и, конечно, парень, в которого она была влюблена, ее даже не замечал. Подрастая, Ира все больше мечтала о любви, и в то же время все яростнее убеждала себя, что «никогда и никому на свете не сможет понравиться», раз она «такая страшная». Но жизнь, разумеется, все повернула по-своему.

Первая настоящая случилась у нее все на той же даче в Заветах Ильича. Ире исполнилось четырнадцать лет, она как-то резко выросла и окончательно оформилась. Незнакомые люди на улице уже обращались к ней не «девочка», а «девушка», и это необычайно льстило ее самолюбию. Выбрав с маминной помощью подходящую прическу, Ира удачно постриглась, приобрела несколько обновок, главной из которых стали джинсы, хоть и польские, но по виду не отличимые от фирменных, и отправилась на дачу с каким-то смутным, но весьма приятным чувством в душе, напоминающим то ли непонятное волнение, то ли туманное предчувствие чего-то незнакомого, но обязательно очень хорошего.

В то лето... О, что это за чудесные слова – «то лето»! Сколько романтики, счастья и нежной грусти они в себе таят!.. Яркое солнце и безоблачное небо по утрам; полуденный зной, от которого, кажется, все плавится и тает вокруг, и сосны плачут ароматной смолой; горько-

вато-сладкий вкус раздавленной в ладонях земляники; пение птиц; студеная, до боли в висках, вода из колодца; теплая мгла вечеров, как по волшебству окутывающая знакомые предметы и лица покровом неведомой тайны, яркие звезды, словно дырочки в бархате ночного неба... Никогда потом звезды не бывают такими крупными, а вода такой вкусной. И деревья так не шумят, и птицы так не поют. Так могло быть только в *то лето*, лето первой любви. Невероятной, головокружительной, сумасшедшей... И несчастливой, потому что «на то она и первая любовь, чтоб ей не быть особенно удачной».

Эти стихи вместе с другими любимыми стихотворениями и песнями, Ира аккуратно записала в тетрадку за девяносто шесть копеек – толстую, большого формата, с синей обложкой из клеенки. Подобные тетрадки лучше всего годились для девчачьих «песенников», поскольку на одной странице стихотворение или песня помещались целиком, и еще оставалось место для рисунков или вырезанных из журналов картинок. Собирая свои вещи, Ира отвела новенькому песеннику достойное место между романом «Анжелика и султан» и сборником поэзии Эдуарда Асадова, и поспешила на дачу к старым друзьям.

Каждое лето там собиралась одна и та же более или менее постоянная компания. В городе такие ребята между собой почти не общаются – там другие друзья и вообще другая жизнь, но лета ждут с нетерпением и, приехав на дачу, проводят вместе целые дни, постоянно затеывая что-то интересное, играют, купаются, гоняют в футбол, катаются на велосипедах, исследуют таинственные места, ссорятся, мирятся, разбиваются на группировки, влюбляются, расстаются и тут же влюбляются вновь...

Ирин дачный круг общения был именно такой. Приехав в Заветы Ильича, она с первых же дней и до конца лета развлекала всех историями о необыкновенных событиях, якобы происшедших с ней за зиму. В тот год тема рассказов несколько изменилась. Мнимые встречи со знаменитостями и «несметные богатства» вроде шикарной фирменной одежды или записей модных групп, которые, по ее словам, якобы имелись у нее в Москве, отошли на второй план. Теперь у Иры появилась новая фантазия – любовь. Перед дачными подружками развернулась целая эпопея сложных и необычайно запутанных романтических интриг, в центре которых, конечно же, была сама Ира, которая и не догадывалась, что первая влюбленность – не выдуманная, а настоящая – уже поджидает ее за ближайшим поворотом.

Был в их тусовке один мальчик по имени Сережа... Вернее, мальчиков по имени Сережа в компании было два, но второй в расчет не брался. Недалекий, неловкий, завоспитанный родителями по самое некуда и весь увязший в собственных комплексах, Сережик, как его звали, чтобы не путать с первым Сережей, не вызывал у девчонок никакого интереса. Зато другой Сережа – Москаленко, был совсем иным. Самый красивый мальчик не только в компании, но и, наверное, в целом поселке, что признавали и взрослые, постоянно находился в центре всеобщего внимания. Единственный сын обеспеченных, регулярно выезжающих за границу родителей, он всегда был дорог и модно одет, владел, на зависть многим, разными умопомрачительными вещами вроде японского двухкассетника, плеера и видеомэгаффона, отлично разбирался в современной музыке и лучше всех танцевал. Нужно ли говорить, что все девочки в компании были от него без ума? Только Ира раньше почему-то не обращала внимания на Сережу. Наверное, по молодости лет, поскольку Сережа был старше на два года. Но в *то лето* все изменилось...

Только-только начался июнь, в садах пышным упругим облаком цвела сирень, распростирая на всю округу головокружительный аромат. Иринка с подружками сидели на лавочке у калитки, когда мимо вдруг промчался Сережа на своем роскошном велосипеде с переключением скоростей – предмете жгучей зависти всех мальчишек. Увидел девочек, остановился поздороваться. Ира взглянула на него... и точно прозрела. Где были раньше ее глаза? Как она могла не замечать, насколько Сережа красив – невероятно, потрясающе, до полной потери чувств? Какие у него изящные руки, узкие кисти с тонкими пальцами, какие длинные ресницы,

совсем черные, несмотря на русые волосы, какая чудесная родинка над верхней губой!.. Она так и замолкла на полуслове, не в силах оторвать от него взгляда.

– Привет, девчонки! – проговорил тем временем Сережа. – Иришка, привет! Постриглась? Здрóрово, тебе идет. Ладно, я помчался, меня ребята ждут. Увидимся! «I'll be back!» – и сделал страшное лицо, как у Терминатора.

Велосипед давно скрылся, а Ира все не могла прийти в себя. В ушах звучало, точно волшебная музыка: «Здорово, тебе идет»...

С того дня Иринка потеряла голову. Все ее мысли были только о Сереже, она старалась находиться только там, где могла увидеть его. Даже домой к нему заходила при любой возможности, несмотря на большую немецкую овчарку Джесси – собак Ира после укуса дворняги боялась как огня. Очень скоро вся компания догадалась об Ириных чувствах к Сереже, да она их не скрывала. Более того – в одну из особо лунных ночей зажгла свечу, которые на даче, где часто отключают электричество, всегда под рукой, вырвала без всякого сожаления из новенького песенника большой лист в клеточку и написала, а-ля пушкинская Татьяна, длинное письмо Сереже с признанием в любви.

На следующее утро долго не решалась отдать письмо, все бродила вдоль его забора под морозящим мелким дождем, поглядывала на окна, дважды хотела убежать, но все-таки отважилась, покричала, вызвала Сережу к калитке, сунула ему сложенную вчетверо бумажку и, пробормотав: «Это тебе», бросилась наутек. А потом весь долгий день сидела дома, наверху, в «мезонине», отмахивалась от вопросов мамы, удивлявшейся, что это вдруг дочка не идет гулять, хотя уже давно распогодилось, и то мечтала, то плакала, то надеялась, то сгорала от стыда и проклинала себя на чем свет стоит за этот глупый поступок... Так продолжалось до вечера, до тех пор, пока снизу не раздался мамин голос: «Иришка, слезай вниз, тут за тобой Сережа пришел!» Тут она перепугалась не на шутку, забилась в угол и решила: «Не пойду! Ни за что не пойду!» Пришлось маме подниматься к ней, выяснять, в чем дело, уговаривать. Сережа, как ни удивительно, терпеливо ждал внизу. И когда Иришка, вся малиновая от смущения, пряча глаза, на негнущихся ногах, все-таки спустилась к нему, сказал просто, точно ничего не случилось: «Ир, пойдём на великах кататься?»

О письме он не упомянул ни слова, ни в тот вечер, ни когда-либо позже, точно никакого любовного объяснения и не было. И вообще все вышло, с Ириной точки зрения, очень странно. К ее глубокому разочарованию, Сережа не стал, следуя логике жанра, объясняться с ней, не признался в ответных чувствах, но и не сказал ничего рокового в духе: «Я тебя не люблю, но ты хорошая, давай будем друзьями». Они стали намного больше общаться, но не сделались парочкой в полном смысле этого слова, не проводили все время вместе, не бродили, взявшись за руки, не сидели в обнимку. После той записки Сережа вел себя с Ирой как-то неровно, непредсказуемо, мог сегодня целый день не отходить от нее и всячески выражать симпатию, а назавтра вообще почти не обращать на нее внимания. Бедная Иринка не знала, что и думать, то грустила, то была на седьмом небе от счастья, такое обращение еще больше распалило ее страсть, хотя, казалось бы, больше-то уже и некуда. Лишь спустя годы, уже став взрослой, Ира поняла, что Сережа, конечно, не был ни опытным соблазнителем, ни демоном-искусителем, каким она рисовала его в своем воображении. Просто в шестнадцатилетнем парне играли гормоны, и он сам не мог для себя решить, что ему делать с влюбленной в него девочкой. С одной стороны, ему льстило то, что его так сильно и страстно любят, с другой – он просто не решался потребовать от нее чего-то большего, чем пара робких поцелуев.

Завершилась эта история точь-в-точь как в песне, которую с таким чувством всегда пела на вечеринках, слегка подвыпив, Иринкина мама: «Красивая и смелая дорогу перешла...» В середине лета в дачной компании появилось новое лицо – подруга одной из старших девчонок, семнадцатилетняя Марина. Она была почти взрослой – перешла в выпускной класс! – обладала броской внешностью и, судя по разговорам, большим опытом в любовном деле. Разумеется,

такой девушке не составило особого труда понравиться лучшему парню в компании. Сережа стал встречаться с Мариной, несчастная Иринка была забыта. Она страдала – но гордо и молча, не подавая виду.

Так продолжалось до конца лета. В Москву Ира уехала с разбитым сердцем, но это ничуть не помешало ей весь учебный год рассказывать подругам захватывающие любовные истории, в которых правдой была, в лучшем случае, десятая часть.

Под Новый год, созваниваясь с дачными подружками, Ира узнала, что Сережа с родителями уехал на несколько лет в Чехословакию. Как ни странно, это известие не огорчило, а даже, наоборот, обрадовало ее. Теперь можно было ездить на любимую дачу, не думая о предстоящей встрече с Сережей.

* * *

В ночь с пятницы на субботу Ире снились на удивление приятные, теплые и солнечные сны. Детство, дача, лето, бабушка с бабушкой – живые, веселые и какие-то совсем молодые, ветви яблонь в саду, сгибающихся под тяжестью плодов, и мальчик Сережа с родинкой над верхней губой...

Проснулась она в прекрасном настроении, которому не мешали ни заглядывающий в окно пасмурный день, ни вид неубранной квартиры, ни пессимистический прогноз погоды в телевизионных новостях. Все это казалось мелочами по сравнению с предстоящим сегодня вечером радостным событием.

«Алка права, – думала Ирина, аккуратно заправляя большую испанскую кровать, купленную по настоянию мамы. – Сколько можно сидеть дома у телевизора да у компьютера? Надо иногда выбираться в свет, тем более раз представилась такая возможность. Домашняя вечеринка – это тебе не ночной клуб, в таком месте действительно можно встретить свою любовь... В смысле – человека, достойного внимания, с которым действительно можно строить отношения. А не приключение на одну ночь...»

Краем глаза отметив, что полы в спальне уже давно требуют уборки, Ира отправилась умываться. Чистила зубы, с удовольствием плескала в лицо холодную воду, вытиралась мягким полотенцем с надписью «любимой доченьке» (мамин подарок на Восьмое марта), а мысли ее были далеко. В своем воображении Ирина уже была на дне рождения, там, где поджидал ее *он*.

Виделась ей почему-то не обычная московская квартира и даже не загородный дом (куда именно они поедут, Ира еще не знала), а огромный бальный зал в старинном особняке, с мраморными колоннами, зеркалами в простенках между высокими окнами и множеством свечей в массивных бронзовых канделябрах. Почему именно так? А бог его знает. Но если уж мечтать, то ни в чем себе не отказывать, верно?

В мечтах сама Ира появлялась в этом зале одетая в роскошное платье в старинном стиле. Белоснежное... нет, лучше нежно-кремовое с широкой юбкой на кринолине, корсажем, глубоким вырезом и полностью открытыми плечами. На руках длинные, по локоть, кружевные перчатки, пальцы сжимают веер из страусовых перьев и слоновой кости, высокая прическа украшена живыми цветами. А *он* стоял у колонны – в черном фраке, высокий, изящный и невероятно красивый, очень похожий на Игоря Кеблушека, который играл Мистера Икса в «Принцессе цирка». Этот фильм Ирина обожала с самого детства и каждый раз, когда его повторяли по телевизору, обязательно старалась посмотреть – хотя на полке рядом с DVD-проигрывателем, конечно, хранился диск с яркой фотографией на коробочке.

Итак, Ира входила в зал, *он* делал шаг в ее сторону, потом останавливался, замирал, словно пораженный, не отрывая от нее взгляда, и несколько минут они так и стояли молча, глядя друг другу прямо в глаза. Играла музыка – камерный оркестр исполнял какой-то вальс Штрауса, по залу кружились пары, нарядные дамы и кавалеры разговаривали, смеялись, флир-

товали – но ни Ира, ни *он* не видели и не слышали ничего вокруг. С этого мгновения для них в целом мире существовало только одно – их великая Любовь...

Под такие радужные мечты утро и день пролетели на удивление быстро. Ирина успела позавтракать, кинуть белье в стиральную машинку, наконец-то навести дома порядок, вытереть пыль, пропылесосить полы, вымыть раковины, навести глянцевоый блеск на зеркала в спальне, ванной и прихожей. Потом развесила постиравшееся белье и заметила, что день уже клонится к вечеру. Пора собираться на день рождения.

От этой мысли ее вдруг охватила паника. А что же она наденет? Почему она не подумала об этом раньше? Любимая юбка в химчистке, как можно было об этом забыть! Значит, надо надевать черные брюки. Это тоже неплохо, они ей идут, в них она выглядит стройнее... Но к брюкам не подходят ни бежевая, ни сиреневая кофточка. Может, надеть полосатый свитер? Нет, в свитере наверняка будет жарко... Батюшки, да что ж она возится, уже четыре часа, скоро пора за Алкой ехать!..

Впопыхах раскидывая вещи по кровати и стульям, Ира мерила одно, другое, третье. И все ей не нравилось, везде было что-то не то. А время бежало, Алла обрывала телефон, возмущалась ее «тормознутостью», давала советы... Наконец, кое-как одевшись, причесавшись и накрасившись, Ира, жутко недовольная собой, пулей вылетела из дома, вскочила в свою «деушку» и помчалась за подругой. Счастье еще, что суббота, дороги почти свободны, можно в пробках не стоять.

– Ну все, Ириш, успокойся, возьми себя в руки, – заговорила Алла, сев в машину. – Ты же знаешь – красивая женщина не должна суетиться.

– Так то красивая, – со вздохом возразила Ира, выезжая из подружкиного двора.

– А на этот счет есть другая поговорка, кажется, от Коко Шанель: если женщина к тридцати годам не стала интересной, то она дура.

Алла всю дорогу не закрывала рта, замолкая лишь для того, чтобы затянуться сигаретой.

– Каждая уважающая себя женщина должна хоть раз в жизни сходить замуж, – рассуждала она, привычно жестикулируя и постукивая кольцами. – Хотя бы ради приличия. Я, как ты знаешь, там была. В общем-то, ничего интересного. Но зато статус! Согласись, «разведенная женщина» звучит совершенно не так, как «старая дева». В словах «разведенная женщина» есть и тайна, и даже некоторая сексуальность... А словосочетание «старая дева» вызывает лишь смех и презрение. Ну, может, жалость, у особо сердобольных. Ты чего нос морщишь? Считаешь, что я не права?

– Не то чтобы... – пожала плечами Ира. – Просто мне кажется, что дело не в факте замужества. Главное – встретить человека, которого полюбишь и который полюбит тебя. Чтобы он стал для тебя близким, чтобы он понимал тебя и принимал такой, какая ты есть, а ты – его...

– Ой, Ириш, опять ты со своими утопиями! – фыркнула Алла. – Понимающий, симпатичный, умный, порядочный, да при этом еще и желательно обеспеченный! Да таких в природе не существует. Они вымерли в одно время с динозаврами. А те, кто все-таки остался, давно разобраны. Задолго до нашего выхода на этот рынок... Ладно, хватит о грустном. Слушай программу на сегодня. Ты куда это поворачиваешь, нам прямо!

– Заправиться надо, бензина уже почти не осталось.

– Блин, а я только закурить хотела...

– Ты слишком много куришь, Алл. Это портит цвет лица – назидательно заметила некурящая Ирина.

– Зато снимает стресс. А жизнь в мегаполисе – сама по себе хронический стресс... – Алла махнула рукой, снова звякнув кольцами на пальцах. – Ладно, слушай. Я все узнала у Аньки про сегодняшний вечер. Будут два холостых приятеля ее мужа, соответственно, два кавалера, для тебя и для меня. Один бизнесмен, что-то вроде коммерческого директора. Не миллионер, но с перспективами. А другой – стилист.

– Стилист? – Ира с недоверием покосилась на подругу. – Алл, а он точно не... не того?
– В смысле? Не женат, я ж тебе говорю!

– Я имею в виду ориентацию. Стилисты – они ж обычно нетрадиционные... – Ира въехала на заправку и остановилась у свободной колонки.

– Ах это! Нет с этим все в порядке. Анька говорит, совершенно нормальной ориентации и мировой мужик. Недавно с женой развелся, но это хорошо, она вроде бы жуткая стерва была... Иди быстрее заправляйся, нас там уже заждались!

– А как их зовут-то хоть? – вернулась к разговору Ира, когда их машина покинула заправку.

Алла наморщила лоб, нахмурилась, силясь вспомнить.

– Забыла. Ты же знаешь, у меня на имена, фамилии и особенно отчества совсем памяти нет. Вроде у одного из них имя какое-то вычурное, то ли Эдуард, то ли Эльдар... Не помню. А другого как-то совсем просто зовут, Саша или Сережа.

Сережа... Ира вздохнула. Сколько лет прошло, сколько Сергеев перевидала – а все равно один звук этого имени будит в ней целый рой воспоминаний о первой любви и родинке над губой. Если у нее когда-нибудь родится сын, она обязательно назовет его Сергеем. Только затем, чтобы по многу раз в день повторять: Сережа, Сережка, Серенький...

– Ирка, не мечтай, спускайся на грешную землю, а то мы так в столб врежемся!

– Прости, что ты говоришь? – Ира неохотно вернулась к реальности.

– Говорю, что стилиста мне, а бизнесмена – так и быть тебе. Согласна?

– Да мне все равно... Чем он хоть занимается-то?

– Что-то невообразимо скучное. – Алла потянулась за сигаретой. – Какая-то дорожная техника... Катки там всякие, бульдозеры, бетономешалки...

– Ну спасибо, подруга, удружила! – покачала головой Ирина. – Как по-твоему, о чем я с ним буду говорить? О бетономешалках?

– А ты что, стилиста хочешь? – По лицу Аллы было件нятно, что стилиста она уже приватизировала и расставаться с ним совсем не жаждет. Ира взглянула на нее и рассмеялась:

– Нет, стилиста еще больше не хочу. Пусть уж лучше бетономешалки.

Квартира Ани и ее мужа Димы, конечно, ничем не напоминала бальный зал, который Ира рисовала себе в мечтах – и места намного меньше, и обстановка совсем другая. Только что народу много, потому что все гости уже собрались, сидели за столом и ели салаты. Ире и Алле, как опоздавшим, достались места в конце стола, на расшатанных кухонных табуретках, которыми их обеспечил хозяин дома, высокий плечистый блондин с тяжелой челюстью, похожий то ли на викинга, то ли на канадского хоккеиста.

Гостей оказалось человек пятнадцать, все незнакомые, и Ира в первый момент несколько растерялась, что обычно всегда происходило с ней в новой обстановке. Казалось бы, тридцать четыре года, взрослая женщина, к тому же радиоведущая. Пора бы уже стать смелой раскованной, уверенной в себе. Но с незнакомыми людьми, да еще в большой компании Ира до сих пор смущалась, ей нужно было приложить много усилий, чтобы скрыть свою застенчивость. А уж если дело касалось знакомства с мужчиной... Зато Алла чувствовала себя как рыба в воде, улыбалась, хохотала, перекидывалась шутками с соседями, размахивала руками, стуча своими кольцами, но при этом не забывала пить и кушать в свое удовольствие.

Перед горячим в еде сделали перерыв, многие встали из-за стола, чтобы размяться, и Алка, воспользовавшись моментом, тут же зашептала подруге:

– Смотри, вон наши с тобой будущие кавалеры... Тот, который двух девиц развлекает – Ильнур. А который в окно смотрит – тот Саша.

Ира деликатно поглядела в ту сторону. На другом конце стола сидел между двумя женщинами худощавый мужчина неопределенного возраста в ярко-лиловом джемпере с претенциозным узором и малиновом с золотом платке с кистями, эффектно задрапированном на пле-

чах. Его мелированные волосы украшала асимметричная челка, в ухе сверкала и переливалась в электрическом свете бриллиантовая капелька серьги. Денди потягивал коньяк из пузатого бокала и что-то рассказывал своим соседкам, видимо, очень смешное, поскольку обе дамы так и покатывались со смеху.

– Вот он значит, какой, мой стилист... – на лице Аллы появилось хищное и сладострастное выражение готовящегося к выстрелу охотника. – И, конечно, толпа бабцов вокруг... Ну ничего, ничего, когда нас это останавливало!..

Переведя взгляд на окно, Ирина увидела и вторую кандидатуру в кавалеры, выглядевшего такой явной противоположностью первой, точно это было специально задумано и подготовлено. Тот, кого Алка назвала Сашей, стоял, слегка облокотившись о подоконник, и спокойно рассматривал что-то во дворе. Ирине сразу бросились в глаза короткая стрижка, широкие плечи, прямая осанка и стройная фигура – этот человек явно следил за собой, занимался спортом и поддерживал хорошую физическую форму. На нем был костюм, со вкусом подобранный и красиво завязанный, но не слишком яркий галстук и стильные туфли. Ира мысленно сравнила двух кавалеров, и сравнение вышло отнюдь не в пользу стилиста. Бизнесмен Саша явно отличался неплохим вкусом. А вот сестра в кресло к такому мастеру, как Ильнур, она бы, наверное, не решилась – неизвестно, во что тебя могут превратить...

– Ну что, вперед и с песней! – скомандовала Алла, приподнимаясь. Но тут же вновь опустилась на табуретку, потому что Анечка, миниатюрная и изящная, как статуэтка, уже внесла на большом блюде горячее – дымящегося гуся с аппетитно-румяной корочкой, со всех сторон обложенного дольками печеных яблок. Гости так и ахнули от восторга.

– Ну, Анька, ты даешь! – на весь стол воскликнула Алла, легко перекрыв общий шум. – Прямо кудесница! Какого красавца приготовила – просто смерть фигуре! Эх, пропадай моя телега, все четыре колеса! Давай мне ножку!

Гусь и впрямь оказался необыкновенно вкусным, но Ира к нему почти не притронулась. Она все время поглядывала на Сашу, с аппетитом поглощавшего свою порцию, и думала о том, что действительно выглядит очень симпатичным. Как бы обратить на себя его внимание? Здесь столько народу, вряд ли это будет легко. Вот если бы он сам сделал первый шаг...

– И не мечтай! – шепнула подруга, точно прочитав ее мысли. – Пока ты будешь сидеть дожидаться, что он первым подойдет к тебе, его уже приберут к рукам другие. Видишь, какая тут конкуренция? Одна эта кадушка в немыслимом декольте, справа от Ильнура, чего стоит! Так и трясет своими сиськами, только что в блюдо с гусем их не выложила. Наверняка силикон, быть не может, чтобы у тетки ее комплекции такая грудь была настоящей...

Подойти самой? От одной этой мысли по телу Иры пробежала дрожь. О чем же с ним заговорить? Не о погоде же и не о меню праздничного стола, это будет так пошло... В женских журналах пишут, что с мужчиной лучше всего разговаривать о том, чем он интересуется – о его работе или хобби. Про хобби бизнесмена Саши она ничего не знает, значит, остается работа. Господи, ну хоть что-нибудь бы вспомнить про бульдозеры или бетономешалки!

Справившись с горячим, гости снова расползлись из-за стола, и теперь Алла уже не стала мешкать. Эффектно поднялась, томной походкой приблизилась к объекту охоты и, слегка растягивая гласные и нарочно подчеркивая низкий тембр своего голоса, который считала очень сексуальным, произнесла:

– Вы, кажется, Ильнур? Ильнур, а с чем вот эти пирожки, которые перед вами? С яблоками? Неужели? Обожаю с яблоками! Вы позволите?

И, ловко отодвинув бедром соседку Ильнура (ту самую, с бюстом сомнительной естественности), потянулась к блюду, взяла пирожок, надкусила.

– Очень вкусно! Ильнур, а что ж вы не едите пирожки?

– Да я уже два съел...

– Ничего страшного, возьмите еще. В гостях надо есть много, так гласит древняя мудрость. Если вы у друзей, то им это приятно, если у врагов, то им это неприятно – ну так им и надо!

Ира наблюдала за подругой с восхищением и некоторой завистью. Вот бы научиться вести себя так естественно и раскованно! Но ей, Ире, это почему-то удается только в студии, да в мечтах... А Алла тем временем воспользовалась тем, что дама с бюстом покинула свой стул и тотчас уселась на ее место, всем своим видом показывая, что без боя отвоеванные позиции уже не сдаст. Ильнур что-то говорил ей, она кокетливо и заразительно хохотала. Однако не забыла и о подруге, взглянула на нее, раз, другой, сделала страшные глаза, качнула головой, указывая на Сашу – иди, мол, а то будет поздно. Ира вздохнула, но послушно поднялась. Что поделать, такова доля современной женщины – каждую секунду надо бороться за свое счастье... Иначе упустишь момент – и бороться уже будет не за что.

Теперь Саша стоял у плазменного телевизора и рассматривал коробки с фильмами. Ира подошла, сглотнула, помялась и, наконец, проговорила:

– Извините, Саша... Вы ведь Саша, да?

Он обернулся:

– Да меня зовут Александр. А вас?

– А я Ирина...

– Очень приятно.

У него оказалась просто замечательная улыбка!

– Саша, вы знаете, я хотела у вас спросить... Скажите, пожалуйста, а почему, когда машина с бетоном ездит, у нее крутится эта большая штука, не знаю, как называется...

Собеседник поглядел на нее с удивлением, и Ира тут же покраснела до корней волос. «Господи, какая же я дура, не могла придумать ничего умнее! Теперь он решит, что я полная идиотка, даже не знаю, что в бетономешалках мешают бетон...»

– Эта штука называется барабан, – ответил тем временем мужчина не без некоторой растерянности в голосе. – Работает по принципу миксера, когда машина едет, в ней мешается бетон... Но, простите, зачем это вам?

– А я, знаете ли, вдруг почему-то очень заинтересовалась дорожной техникой, – Ира выдавила из себя улыбку.

– Вот как? – Он по-доброму рассмеялся. – Какие оригинальные интересы! И очень неожиданные для симпатичной девушки. И какая же техника вас интересует – большая или малая?

– Э... И та и другая. А малая – это что? Катки?

Определенно он нравился Ире все больше и больше! Вежливый, голос приятный, лицо умное, хоть сейчас и выглядит озадаченным. И руки очень красивые, сильные, настоящие мужские руки...

– Нет, асфальтоукладчики – это как раз большая. А малая – это всякие резчики, виброплиты...

– Простите, вибро... что?

«Надо же, какие у него длинные ресницы! Почти, как были у Сережи... И такой взгляд... Господи, неужели я влюбилась?»

– Виброплиты. Знаете, такие агрегаты с длинной ручкой, которыми выравнивают асфальт? Похожи на полотеры.

– А как они работают?

«Ну, наконец-то! Наконец-то это случилось! Наконец-то судьба стала и к ней благосклонна! Наконец-то она встретила *его*, которого так долго ждала, так долго искала... Не зря сегодня ей снились такие приятные вещи, сон оказался в руку...»

– Простите, что вы сказали?

– Я сказал, что, боюсь, не сумею так уж грамотно объяснить вам принцип работы виброплит. Не очень-то хорошо в этом разбираюсь. Если хотите, я могу...

До замечтавшейся Иры не сразу дошел смысл его слов.

– Но как же так? Разве вы... Разве вы не... Не занимаетесь бетономешалкой... То есть дорожной техникой?

– Я? – Саша снова рассмеялся. – Нет, конечно, что вы! Я мужской мастер, «филёвский цирюльник», как меня называет Дима, любезный хозяин этого дома. Вы меня с кем-то перепутали.

– Изви... извините... – от стыда Ира готова была провалиться сквозь землю. – Мне... Мне нужно идти, срочно!

Вся пунцовая от смущения, она пулей вылетела в ванную и там, не удержавшись, заплакала. Дура, какая же она дура! Ну почему, почему ей все время так не везет?

Кое-как придя в себя, умывшись и приведя в порядок лицо, Ира вышла в прихожую, вытащила из общей кучи свою сумочку, нашла сапоги и стала обуваться.

– Уже уходите? – удивился появившийся в дверях хозяин Дима. – А что так рано?

– Извините, мне срочно на работу надо... – пролепетала Ира. – Вызвали... А позовите сюда Аллу, пожалуйста...

По тому, как горели глаза подруги, Ирина сразу поняла, что у той все в порядке.

– Чего тебе, Иренция? Только быстрее говори, а то там опять эта силиконовая кадушка на горизонте появилась.

– Алк, ничего страшного, если я уеду, ты домой доберешься?

– Ничего, конечно! Я не я буду, если Ильнур меня не проводит! Кстати, мы с тобой все перепутали – бизнесмен-то оказывается он, а не Саша.

– Да, я это уже поняла...

– Ну и ладно, коммерческий директор – это тоже неплохо. А ты чего вдруг засобирались-то? – запоздало поинтересовалась Алла.

– Плохо себя чувствую, голова что-то болит. – Ирина старалась не смотреть на подружку, опасаясь, что та увидит ее заплаканные глаза, начнет расспрашивать или, еще того хуже, уговаривать остаться. Но на ее счастье Алла так занята была своими делами, что только чмокнула ее в щеку на прощание.

– А, ну тогда езжай! Пока! Счастливо тебе добраться. Созвонимся...

И поспешила обратно в комнату, где, судя по звону посуды, уже подавали то ли чай, то ли десерт.

Дома Ира снова дала волю слезам. Упала, как была, в брюках и нарядной кофточке, на свою роскошную испанскую кровать и долго с удовольствием рыдала, уткнувшись лицом в подушку. За этим занятием ее и застала мама. У Александры Петровны были свои ключи от Ириной квартиры и нехорошая привычка приезжать к дочери без звонка.

– Мам, ну а вдруг окажется, что я тут с мужчиной? – возмущалась иногда Ирина.

– Ты даже не представляешь, как меня бы это обрадовало! – неизменно отвечала та.

Увидев плачущую дочь, Саша перепугалась, кинулась к ней, села рядом на кровать, обняла.

– Ирочка, детка, что с тобой? Что такое?

– Да так... – У дочери не было ни сил, ни желания рассказывать.

– Это из-за вечеринки, на которую ты сегодня ходила, да?

– Да...

– Тебя там кто-то обидел? – Саша грозно нахмурилась.

– Нет, что ты... Просто я надеялась... Представляла... Нафантазировала себе... И ничего не вы-ы-ышло. – Ира вновь разразилась слезами.

– Ах, это! Ну это дело поправимое. Не вышло с одним – найдем тебе другого, третьего, десятого! Вот увидишь!

Мама утешала так горячо, что вскоре Ире и самой расхотелось плакать. Уж такими были они все в семье Бобровых – оптимистичными и жизнестойкими, что бы ни случилось. Не прошло и четверти часа, как переживания были забыты, мама и дочка разговаривали, точно ничего не случилось, и, как обычно, вскоре начали спорить.

– Вот возьмем, скажем, твою одежду, – вещала Саша, неодобрительно оглядывая дочь. – Ведь это ужас какой-то! Все какое-то тусклое, мрачное, мешковатое... И застегнута вся наглухо, как синий чулок. Ну что это такое?! В твоем положении надо одеваться совсем иначе. Тут вырез побольше, там разрез пикантный, здесь приталенное, чтоб фигуру подчеркнуть, пока еще есть, слава богу, что подчеркивать. Потом ведь не будет, по себе знаю! В твоем положении...

– А какое это у меня положение? – недоумевала Ира.

– Какое-какое... Интересное.

– В каком смысле? Мам, ты что такое говоришь?

– Ну в смысле – незамужнее, – поправилась Саша. – Ты ведь у меня невеста, девушка на выданье.

– Что-то оно очень затянулось у меня, это положение, – снова вздохнула Ирина.

– Да я вижу... – Александра тоже вздохнула, почти в унисон с дочкой и снова присела на кровать. – Но ничего! – тряхнула она головой. – Все будет хорошо! С этой минуты я беру дело в свои руки!

* * *

Внешне мать и дочь были очень похожи – обе среднего роста, плотненькие, сероглазые, с приятной улыбкой и темно-русыми волосами (правда, Александра уже давно красилась, пряча седину). Но характерами они обладали совершенно разными, и это было заметно с самого детства.

Маленькая Саша, или, как называл ее отец, Шурка, относилась к той категории детей, про кого говорят: не ребенок, а веретено. Когда она была совсем крошкой, папа шутил, что его дочь ухитряется одновременно находиться в нескольких местах – только что сидела под вешалкой, вытаскивая шнурки из всех ботинок, – бац! уже у подоконника, подтащила табуретку и высунулась в открытое окно, еле успели подхватить.

Воспитатели в яслях и детском саду, а позже учителя в школе только руками разводили и советовали направить ее энергию в какое-нибудь мирное русло, хотя бы в спорт, что ли... Шурку записывали в спортивные секции, она занималась и легкой атлетикой, и фехтованием, и лыжами, и художественной гимнастикой – но всем очень недолго, максимум по несколько месяцев. Каждый раз повторялась одна и та же история: сначала девочка увлекалась, с удовольствием ходила на занятия, возвращалась домой счастливая, полная впечатлений, захлеб рассказывала о занятиях, тренере, новых друзьях, чем вселяла в сердца родителей надежду – ну, слава богу, наконец-то! Может, хоть на этот раз удалось пристроить Шурку к делу! Но проходило несколько недель, Саша начинала скучать, после тренировок в ней уже не наблюдалось прежней восторженности. Потом она принималась выдумывать разные предлоги, чтобы пропустить одно занятие, за ним другое... И в конце концов бросала очередную секцию точно так же, как и предыдущие. Похожая картина была не только со спортом, со всем: танцами, музыкой, рисованием, кружком «Умелые руки». Вроде бы Шуре и нравилось рукоделие, она с удовольствием посещала уроки домоводства, где девочек учили шить и готовить, но она никогда не доводила ничего до конца. Выпрашивала у мамы очередной отрез ситца, клялась-божилась, что в этот раз уже точно сошьет юбку или сарафан, выдумывала интересный фасон, раскраи-

вала, иногда даже сметывала – и охладевала к своей затее. Незаконченные вышивки, недовязанные шарфы и шапки, недошитая одежда валялись по всему дому – до тех пор, пока Валентина Семеновна не находила время доделать работу за дочь.

Отцу, Петру Васильевичу, эта черта в дочери очень не нравилась. Он ругал Шурку «охламонкой» и «раздолбайкой», утверждал, что если она не научится быть серьезной и делать все, как следует, то «из нее так никогда и не выйдет ничего путного». Саша обижалась, плакала. Вообще-то, она всегда была человеком веселым, не склонным к переживаниям, и большинство проблем, возникавших в ее недолгой пока жизни, воспринимала легко. Но в отношениях с отцом все было по-другому. Они вообще трудно складывались, эти отношения. Своего замечательного папу Шурка очень любила, постоянно жаждала его внимания и одобрения – но у нее никак не получалось заслужить отцовскую похвалу, хоть ты тресни! Бывало, придет она из школы с твердым намерением уж сегодня-то выучить все уроки как следует и получить пятерку, сядет за стол, разложит учебники, раскроет тетрадь, даже прочитает задачу. Но на улице-то – весна! Солнце светит, птицы поют, почки на деревьях уже лопнули, ветви покрылись нежно-зеленым пухом. Разве можно усидеть дома в такую погоду? Как Шура ни старается вникнуть в смысл задачи о грибниках или токарях, в голове у нее не скучные грибы в лукошках и не выточенные на станках детали, а подруги, которые все уже, конечно, вышли во двор и гуляют, болтают, смеются, прыгают через скакалку и играют в «классики», гоня по расчерченному мелом асфальту жестяную коробочку из-под ваксы, а она, несчастная, корпит тут над учебниками!.. И едва под окном раздавался крик: «Шурка, выходи гулять!» – девочка не выдерживала, забрасывала ненавистную математику и мчалась во двор. А на другой день, конечно, снова приносила из школы двойки и тройки и снова краснела, как свекла, и плакала, услышав от отца: «Эх, Шурка-Шурка, безалаберная ты девка! Не выйдет из тебя ничего путного!»

Как хотелось Саше, чтобы папа заинтересовался ею самой – а не только ее отметками или невыполненными обещаниями убраться в квартире! Но этот счастливый миг все не наступал. Да и мама вечно вторила отцу, постоянно читала нотации... И в подростковом возрасте Шура, как это нередко случается, стала специально выворачивать ситуацию наизнанку, демонстративно делать все наперекор родителям: училась спустя рукава, еле-еле удерживаясь на тройках, пропадала до глубокой ночи во дворе, не помогала по дому, а когда ей делали замечания, дерзила в ответ. Если бы у ее родителей была возможность посоветоваться с психологом, тот наверняка бы объяснил, что таким образом девочка подсознательно пытается привлечь к себе внимание вечно занятых мамы и папы. Но в середине шестидесятых – времени, на которое пришелся переходный возраст Саши, психологов в нашей стране еще практически не было. А у родителей, как ни грустно это признавать, действительно не хватало времени на детей. Так было и в семье Бобровых. Петр Васильевич целые дни проводил на секретном авиационном предприятии, куда устроился после войны ведущим инженером, Валентина Семеновна работала там же бухгалтером и одна тащила на себе все домашнее хозяйство. В их новой, недавно полученной квартире на Ленинском проспекте все сверкало чистотой, на столе ежедневно красовалась белоснежная скатерть, а обед подавали из трех блюд: суп, второе и компот, да еще плюс к чаю какие-нибудь пирожки, коржики, печенье или пирог – все собственного приготовления.

Не то чтобы Саша ничего не умела делать по дому, нет, конечно, она могла и обед приготовить, и постирать, и погладить – но она не любила этим заниматься. Зачем, если мама все сделает быстрее и лучше? А у непоседливой и очень общительной Шуры всегда находились занятия поинтересней. У нее было полно друзей и знакомых, ей, как самой активной, вечно давали разные важные общественные поручения, вроде организации школьного вечера или подготовки встречи с ветеранами. Кроме того, Саша много и с удовольствием читала, пробовала писать стихи, а в старших классах очень полюбила кино и театр.

Было бы неправильно утверждать, что все ее увлечения оказывались недолговечны. На самом деле у Саши имелась одна страсть, точнее, мечта, которую она пронесла через всю жизнь – мечта стать актрисой. Своим призванием Шурка считала кино. Все лето после девятого класса она провела на «Мосфильме», снималась в массовке и гордо приносила домой заработанные три рубля. Ей повезло – когда фильм вышел на экраны, в нем сохранился эпизод, где ее, стоявшую в магазинной очереди прямо за главной героиней, несколько секунд показывали почти крупным планом. Девочка была на седьмом небе от счастья, заставила всех родственников и знакомых посмотреть фильм и с той поры уже окончательно возомнила себя актрисой, не представляя никакого иного будущего. Ради достижения своей цели даже на учебу приналегла, поскольку знала, что в театральные вузы большой конкурс, значит, с тройками там и делать нечего.

Отец был категорически против ее выбора.

– Ну что ты еще придумала, Шурка? – ворчал он. – Какая из тебя артистка? Разве ж ты не знаешь, что звездами только единицы становятся? А остальные прозябают в неизвестности. Думаешь, это легкий хлеб? Ты просто дурочка еще молоденькая, не понимаешь, какой ценой там надо успеха добиваться... Зачем тебе это надо? Лучше выбери какой-нибудь институт понадежнее, походи поучись, потом работу найдешь интересную...

– Нет, нет и нет! – упиралась Саша, вставая в картинную позу. – Я уже все поняла. Мое предназначение – служить искусству!

– Ишь ты, служительница муз нашлась... – усмехался папа. – Ну вот что, Александра, слушай, что я тебе скажу. Даю тебе год, поступай куда хочешь. Провалишься – сама виновата. Но чтоб на второй год хоть лопнула, но поступила в нормальный институт, ты меня поняла?

Спорить с главой семьи у Бобровых не было принято. После школы Сашка прошла испытания во всех театральные вузах Москвы и, как и предполагал отец, всюду провалилась. Год ошивалась всё на том же «Мосфильме», снялась в массовке нескольких картин – а на следующее лето, увы, все повторилось вновь, провал следовал за провалом.

От кого-то из многочисленных товарищей по несчастью, таких же неудачливых абитуриентов, как она, Саша узнала, что есть еще последний шанс – режиссерское отделение Института культуры. Конечно, это совсем не то, что ГИТИС или Щукинское, но, как говорится, лучше синица в руках, чем журавль в небе. Однако и этот запасной вариант успеха не принес. В Институте культуры оставался только один шанс – библиотечный факультет. Остальные места к тому времени, как Шура добралась до этого вуза, были уже заняты.

Саша подумала, попереживала, даже поплакала. А потом решила: ну что ж, пусть будет библиотечный. Видно, стать актрисой ей все-таки не судьба. А книги она тоже всегда любила...

Студенческая жизнь, с первых же дней захлестнувшая ее с головой, сильно изменила Сашу. Она прониклась движением хиппи и радикально изменила имидж. Отпустила длинные волосы, одевалась в яркие свободные блузки, джинсы в заплатках и мокасины, полюбила многочисленные браслеты и сумки из мешковины. На восемнадцатилетие она выпросила у родителей в подарок катушечный магнитофон и с тех пор целыми днями слушала любимых «Битлов». Разговаривать стала исключительно на сленге, в котором английские слова «русифицировались» – «стритовый» вместо «уличный», «флет» вместо «квартира», «герла» вместо «девушка» и так далее. Себя она отныне требовала именовать исключительно Алекс, ни на какие другие формы собственного имени отныне не откликалась.

Все это снова привело к очередному этапу конфликтов с родителями. Отец и вторящая ему мама с утра до вечера осуждали дочь за «безыдейные» увлечения и «низкопоклонство перед Западом». Алекс вяло отругивалась и старалась пореже бывать дома. Это удавалось легко – находить себе занятия по душе Саша всегда умела. Она последовательно увлекалась всем, что было модно в те годы, – альпинизмом, археологическими раскопками, поездками с геоло-

гами на Урал, самодеятельной песней, байдарочными и пешими походами, и так далее, и тому подобное.

В институте жизнь Алекс тоже была ключом, но это касалось не столько занятий (прилежной студенткой Саша совсем не была, в каждую сессию обрастала «хвостами» и регулярно с ловкостью эквилибриста балансировала на грани вылета), сколько всевозможных общественных дел: никто не умел так хорошо организовать праздничный вечер или собрать команду для выхода на комсомольский субботник, как это получалось у нее. Алекс вечно была в центре внимания и, как следствие, пользовалась большим успехом у парней. Ей это, разумеется, нравилось, она наслаждалась своей властью над ними, кокетничала и флиртовала направо и налево, то подавая поклонникам надежду, то разбивая эти надежды в прах, принимала ухаживания, ходила на свидания и пару раз даже думала, что влюбилась. Но все это было как-то несерьезно – до тех пор, пока в походе к истоку Москвы-реки она впервые не увидела Володю.

Володя Малышев учился на мехмате МГУ и занимался электронно-вычислительными машинами, о которых Саша имела представление только по роману братьев Стругацких «Понедельник начинается в субботу» и оттого считала чем-то почти фантастическим. Володя круглый год ходил в кедах и брезентовой штормовке, в любую погоду мгновенно разводил костер с одной спички, знал бесчисленное количество песен про студентов, туристов и геологов, играл на гитаре и неплохо пел, что и сразило юное сердце взбалмошной Алекс.

В тот поход она оправилась с большой и почти незнакомой компанией и сначала никак не выделяла Володю из толпы ребят, которых и не разглядеть-то толком было под рюкзаками и свернутыми палатками за спиной. Все случилось только вечером, на привале. Когда все палатки были уже поставлены, костровые развели огонь, а дежурные готовили в котелках кашу с тушенкой, Алекс умывалась у ручья, присев на большой камень, черпала ладонями студеную прозрачную воду и вдруг услышала доносящиеся из лагеря гитарные переборы и приятный баритон, напевавший:

... по созвездью над каждым вузом
Ночь развесила в небесах.
Мы внимательно изучаем
Каждый шорох ночных глубин,
Наше мужество мы считаем,
Самой главной из дисциплин...¹

Алекс потянулась на этот голос, как иголка на магнит. Села напротив, весь вечер слушала, не отрывая восторженного взгляда от поющего, песню за песней, и когда он дошел до Визборовской «Милая моя, солнышко лесное», поняла, что влюбилась без памяти. Влюбилась, несмотря на то, что парень с гитарой был сероглазым блондином, а Саше всю жизнь нравились исключительно смуглые брюнеты южного типа, вроде Муслима Магомаева.

С тех пор она ходила во все походы, где был Володя, невзирая на их сложность, искала любой предлог, чтобы встретиться с ним и зимой, даже книгу по вычислительной технике заставила себя прочесть, хотя ровным счетом ничего в ней не поняла. Но все было напрасно – Володя не обращал на нее никакого внимания. Впрочем, то же самое можно было бы сказать и обо всех других девушках. Складывалось такое впечатление, что его вообще не интересует ничего, кроме будущей специальности и походов. Уж, по крайней мере, прекрасный пол – точно.

¹ Популярная студенческая песня 1950–1960-х годов. Автор неизвестен.

Саша ждала два года, что при ее эмоциональной натуре было невыносимой пыткой. А на третий не выдержала. На привале в очередном походе увела Володю подальше от костра и напрямик спросила:

– И долго это еще будет продолжаться?

– Ты о чем? – удивился Владимир.

– О тебе. Вернее, о нас с тобой. Почему ты так ведешь себя? Разве не видишь, что ты мне нравишься?

– Я тебе нравлюсь? – Он выглядел очень растерянным.

– Можно подумать, ты этого не знал!

– Не знал, – честно признался Володя. – Вокруг тебя всегда столько парней... Но вообще, Саш, ты это... То есть я это... В общем, я тоже. В смысле – ты мне тоже...

На обратном пути он, несмотря на ее протесты, нес на себе два рюкзака – собственный на спине, а ее, Сашин, впереди. А она шагала рядом налегке и думала о том, что еще никогда в жизни не была так счастлива.

Они встречались полтора года. Ей было с Володей удивительно легко, он принимал ее такой, какая она была, со всеми ее капризами и внезапными переменами настроения, и Алекс не сомневалась, что он любит ее именно за эксцентричность и непредсказуемость. И что мелкие ссоры, которые регулярно случались между ними – исключительно по ее вине, – вносят в их отношения разнообразие и живость. Ведь после них так здорово мириться!

Володя был круглым сиротой, жил один в коммунальной квартире недалеко от Чистых прудов. В его большой комнате с высоченными потолками часто собирались компании человек по двадцать, а то и больше, праздновали Новый год, дни рождения и окончания сессий. Обычно гуляли допоздна, точнее, до того времени, когда «поздно» уже превращалось в «рано», и расходились только в половине шестого, с выходом в рейс первых трамваев и троллейбусов. Но однажды на майские праздники народу собралось неожиданно мало, и к полуночи все разошлись. Володя и Алекс, помогавшая ему навести порядок в комнате, остались вдвоем.

– Брось ты эту посуду! – сказал Володя. – Собирайся, я тебя провожу, метро не закрылось.

Алекс послушно отставила грязные чашки, но вместо того, чтобы отправиться на поиски своей сумки, приблизилась к любимому и обняла его.

– А ты что, гонишь меня? – лукаво спросила она.

– Нет, но... Ты что... ты действительно хочешь остаться?

Ее решительно «да» потонуло в поцелуе.

Утром, лежа рядом с Володей на старом продавленном диване, Алекс шутливо водила пальцем по его обнаженной груди и ворковала что-то любовно-нежное. Он обнимал ее и счастливо молчал. Вдруг Саша нахмурилась и серьезно спросила:

– Ну-ка признавайся, сколько женщин ночевало тут до меня? Только честно.

– Давай не будем сейчас об этом, ладно? – нехотя отвечал Володя.

– То есть как это не будем? Я хочу знать! Говори немедленно!

– Алекс, милая, ну зачем это? Нам так хорошо...

– Нет, говори! Сколько?

– Только одна и очень давно. Ты успокоилась?

Но девушка не успокоилась, а наоборот, завелась с пол-оборота, подскочила на постели, прикрываясь простыней, и потребовала, чтобы он немедленно рассказал во всех подробностях, кто была ее соперница, сколько времени они встречались и когда и по какой причине расстались. Тщетно Володя пытался уйти от ответа, она вцепилась в него, как бульдог и требовала:

– Нет, расскажи! А то поссоримся!

И они действительно поссорились. Не сразу, а после того как Алекс клещами вытянула из возлюбленного, что та женщина, жившая когда-то в соседней комнате в этой же квартире, была

старше Володи на семь лет, и их отношения даже и романом назвать нельзя, так, случайные встречи от женской скуки с одной стороны и от юношеского пыла и любопытства с другой.

– Честное слово, мне неприятно об этом вспоминать, – признался Володя. – Она уже три года как переехала, я уже и думать о ней забыл.

Но Алекс все равно устроила сцену ревности – с последующим бурным примирением, и домой вернулась только на следующее утро, привычно наврав папе с мамой, что ездила к подруге на дачу.

Она боялась только того, что Володя может не понравиться ее родителям, но все страхи оказались напрасны.

– Хороший парень, – заключил отец, когда Шурка, украдкой расцеловавшись с Володей, закрыла за ним входную дверь, вернулась в большую комнату и с тревогой поглядела на старших. – Умница, это сразу ясно. И вроде бы человек порядочный. На Лешу Морозова похож из моей эскадрильи, он в сорок третьем погиб...

– Мне тоже понравился, – согласилась Валентина Семеновна. – Воспитанный такой, вежливый. А главное – тебя, дочка, любит, это за версту видать.

– Ой, папочка, ой, мамочка! – взвизгнула Саша, обнимая сразу обоих родителей. – Какие ж вы у меня замечательные, как же мне с вами повезло! Ой, какая же я счастли-и-ивая!

Теперь мешковатые одеяния, заплатки и прочие хипповские штучки были забыты. Окончательно потерявшие вид джинсы Алекс носила только в походы – а в городе щеголяла в модных кримпленовых брюках клеш или в коротких юбках, демонстрировавших всю красоту ее чуть полноватых, но стройных ножек. Саша стала очень следить за собой – пусть Володя и не из тех мужчин, которые обращают внимание на внешний вид, но она все равно должна выглядеть так, чтобы он мог ею гордиться. Вспомнив полузабытые школьные уроки, Алекс вновь села за швейную машинку и полностью обновила свой гардероб.

На почве увлечения шитьем Шура сошлась со своей сокурсницей Тасей Гавриковой, обладательницей большой коллекции журналов мод, в том числе и импортных, которые Таисья иногда, хоть и неохотно, давала подругам полистать и снять выкройки. Алекс и Тася стали много времени проводить вместе, сидели рядом в аудиториях, вместе готовились к зачетам и экзаменам. Саша, витавшая в облаках от счастья, целыми днями рассказывала подруге о своей любви, Тася, у которой «на личном фронте» было затишье, внимательно слушала. Уже в самом начале дружбы Алекс познакомила Таисью со своим избранником, а потом... Потом начало происходить что-то странное.

У Володи, который раньше изыскивал любую возможность провести с любимой хоть пару часов, вдруг начались то проблемы в учебе, то еще какие-то загадочные дела. Молодые люди стали встречаться все реже, могли не видаться по целым неделям, чего прежде никогда не случалось. И именно в те дни, когда Володя оказывался занят, у Таси происходили свидания с кавалером, которым она, по ее рассказам, недавно обзавелась, но подруге пока не показывала.

Неизвестно, сколько бы еще Алекс пребывала бы в тревожном неведении, если бы в один теплый апрельский вечер не надумала бы сделать возлюбленному сюрприз и не отправилась бы к его дому на Чистые пруды. Просидев с полчаса у подъезда в компании местных бабушек, она вдруг увидела, как заходят во двор, шагая под ручку, Володя и Тася. Бедная Алекс была так поражена вероломством возлюбленного и лучшей подруги, что дала волю эмоциям и закатила, к восторгу зрительниц-старушек, бурную сцену со слезами, криками и пощечинами. Володя с трудом удержал ее руки и сказал, как ей тогда показалось, со злостью: «Дура ты, Сашка! И всегда была душой». Она расплакалась и убежала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.